

Хранить _____ лет

ДЕЛО № 001/СП

Еремей Венц

Серые люди

Дело о берсерке

Начато Июнь 20 26 г.
Окончено _____ 20 26 г.

На _____ листа

18+

Еремей Венц

Серые Люди. Дело о берсерке

«Автор»

2026

Венц Е.

Серые Люди. Дело о берсерке / Е. Венц — «Автор», 2026

На этот раз угроза выходит за все привычные рамки: каждое превращение рождает существо, наделённое нечеловеческой мощью и неукротимой яростью. Вспышка за вспышкой хрупкий порядок города трещит по швам. Оперативная группа «Серые люди» — теневое подразделение правительства, работающего на грани дозволенного, вступают в дело, зная: если не найти способ разорвать эту цепь, последствия будут необратимы. Но для них важно не просто остановить угрозу — важно не потерять в этом человеке. Это история о тех, кто идёт навстречу опасности без колебаний, чтобы в самой беспросветной тьме разглядеть того, кому ещё можно протянуть руку.

© Венц Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	26
Глава 6	31
Глава 7	36

Еремей Венц

Серые Люди. Дело о берсерке

Глава 1

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ГЛАВА ПЕРВАЯ

1952 г. Иркутск.

Зима 1952 года в окрестностях Иркутска выдалась лютой, словно сама природа решила испытать на прочность людей, оказавшихся волею судеб в одном месте.

Ещё с утра небо затянуло серой пеленой, похожей на тяжёлое, беспросветное полотно, сотканное из холода и безмолвия, а к полудню по тайге прокатилась такая аномальная метель, что даже бывалые конвоиры, привыкшие к суровым сибирским зимам и закалённые годами службы, переглянулись с тревогой, в которой читалось не столько опасение за себя, сколько смутное предчувствие чего-то неотвратимого.

На лесозаготовительном участке бригада из двадцати заключённых, как обычно, не взирая на метель, рубила лес, мерно взмахивая топорами в ритме, давно ставшем механическим, почти бесчувственным. Рядом держались десять конвоиров — суровые, почти, все, за исключением молодого юнца, из партии только-что прибывшего пополнения, который все время пытался спрятать голову, как можно глубже в поднятый воротник тулупа.

Над тайгой солнце медленно клонилось к закату. Ветер выл, словно живое существо, терзаемое безысходной тоской.

Снег летел почти горизонтально, острыми иглами впиваясь в кожу, забиваясь под воротники и слепя глаза; мир сжался до мутной белёсой пелены, в которой растворялись очертания деревьев, а тайга казалась враждебным, безмолвным пространством.

Видимость упала до нескольких метров, и в этой круговерти каждый шаг давался с трудом. Старший конвойной группы — пожилой старшина с обветренным лицом и густыми, тронутыми сединой усами — понимал: вести людей по лесной дороге сейчас — верная гибель: в слепой метели любой неверный шаг мог завести в непроходимую чащу или к скрытой под снегом промоине. Распрямив плечи, он твёрдо и громко, скомандовал сворачивать работы и строится.

В паре километров находился — барак. Неказистый, сложенный из грубо обтёсанных брёвен. Внутри пахло сыростью и дымом, единственным источником тепла служила старая печь-буржуйка. Люди набились в тесное помещение: заключённые держались кучно в одном углу, конвоиры — в другом.

Напряжение висело в воздухе, как тяжёлый пар, но перед лицом стихии даже враги невольно искали друг в друге опору.

Ночь, казалось, собиралась растянуться в бесконечность — долгой и тревожной. Сгущаясь в углах и пробираясь сквозь щели ледяным дыханием; ветер бился в стены, будто пытался ворваться внутрь, и каждый его яростный удар отзывался глухим стоном старых брёвен, будто само укрытие из последних сил сдерживало натиск разбушевавшейся стихии.

Кто-то из заключённых тихо стонал от холода — этот слабый, надломленный звук, лишённый всякой бравады, был особенно пронзителен в тяжёлой тишине, потому что в нём слышалась не просто боль, а горькое признание своей уязвимости перед лицом безжалостной природы.

Кто-то, напротив, нарочито громко и хрипловато пытался шутить, цепляясь за обрывки нелепых историй, как за хрупкий щит, лишь бы не дать страху пробраться глубже, не позволить ему сковать разум и тело.

Старший группы неподвижно сидел у печи, вглядываясь в неровные отсветы пламени, которые то выхватывали из темноты усталые, изборождённые морщинами лица, то вновь прятали их во мраке, и прислушивался к каждому звуку снаружи — к свисту ветра, к треску замёрзших деревьев, к чему-то ещё, едва уловимому, от чего внутри всё сжималось в тревожном предчувствии.

Мороз пробирал до костей, а вой выюги за стенами будто пытался ворваться внутрь, чтобы добить тех, кто и так едва держался.

В тесном, пропахшем сыростью и отчаянием, бараке, заключённые жались друг к другу, пытаясь сберечь хоть кроху тепла.

Невысокий, худощавый зек, чьего имени никто толком не помнил, неловко споткнулся об «собственную тень» и растянулся на грязном полу.

В мёртвой тишине этот нелепый жест прозвучал как щелчок кнута. Кто-то из углов хрипло хохотнул, потом ещё один, и вот уже весь барак сотрясся от грубого, вымученного смеха. В этом смехе не было доброты — лишь судорожная попытка уцепиться за хоть какое-то чувство, пусть даже это было чувство превосходства над самым слабым.

Смех придал группе немного сил — пусть и сил жестоких. Он стал топливом для издевательств: сначала лёгких, почти шутивых тычков и колких слов, потом — всё более грубых, ядовитых, бьющих точно в незаживающие раны.

Худой зек съёживался, втягивал голову в плечи, но терпел, потому что знал: любое сопротивление здесь только подливает масла в огонь.

Конвоиры, стоявшие у дверей, поначалу лишь переглядывались да лениво покрикивали, не особо торопясь вмешиваться в эту привычную, почти бытовую жестокость. Но когда издеательства переросли в толчки, а кто-то из отчаянных пытался ударить, они встрепенулись, зашевелились, начали тянуться к оружию, чтобы уgomонить разбушевавшихся зеков.

Толпа гудела, накаляясь от напряжения чужой злобы, будто каждый в ней искал, на ком сорвать собственную горечь. Среди этого моря лиц мелькнуло одно — искажённое, перекошенное изнутри. Кто-то, давно уже потерявший опору в жизни, вдруг решил, что худосочный зек — идеальная мишень для всей его накопившейся обиды.

Он рванулся вперёд, не думая, не взвешивая, просто чтобы хоть на миг почувствовать себя сильнее, значимее. И с размаху ударил заключённого в лицо.

Удар отбросил зека назад, и его голова с глухим стуком ударилась о шершавую стену. На миг всё замерло. Смех оборвался, словно кто-то дёрнул невидимый рубильник.

Стало слишком поздно.

В бараке повисла звенящая тишина, нарушаемая лишь заыванием выюги. Напряжение сгустилось, стало почти осязаемым, тяжёлым, давящим на грудь.

И в этой тишине раздался тихий смешок.

Он прозвучал настолько неуместно, настолько жутко, что по спинам пробежал ледяной озноб. Смешок доносился от, казалось бы, бездыханного тела, распластанного у стены.

Тело шевельнулось, медленно, неестественно вывернулось, и когда зек поднял голову, лица прежнего не было.

Зеки, только что бывшие хозяевами положения, попятились, вжимаясь в стены, ища укрытия там, где его не было. Конвоиры напряглись, пальцы побелели на рукоятках оружия, глаза расширились от ужаса, который они пытались скрыть за показной бравадой.

Существо поднималось — и само пространство вокруг будто сжималось, не поспевая за этой стремительной, пугающей метаморфозой. Ещё мгновение назад перед толпой стояло нечто хрупкое, почти сломленное, с тонкими, угловатыми очертаниями, а теперь... теперь оно

росло прямо на глазах, прибавляя в росте не меньше чем на полметра, и каждый сантиметр этого роста был наполнен угрожающей, звериной мощью.

Худое, щуплое тельце стремительно наливалось силой — будто под кожей бушевала невидимая буря, перекраивая саму плоть. Мышцы вздувались, набухали, перекачивались под натянутой кожей тяжёлыми волнами, словно внутри пробуждался древний, дикий механизм. Жилы проступали отчётливо, рельефно, напоминая туго натянутые канаты, готовые лопнуть от напряжения. Кожа, натянутая до предела, казалась почти прозрачной в некоторых местах, и сквозь неё проглядывали тёмные пульсирующие линии вен.

Теперь перед людьми стояло не жалкое подобие человека — а жилистое, напряжённое, собранное в тугую пружину чудовище. Каждая линия его тела кричала о готовности к прыжку: чуть согнутые колени, развёрнутые плечи, руки, свисающие почти до колен, с пальцами, скрюченными, как когти. Грудная клетка вздымалась и опускалась в рваном, глубоком ритме, будто существо втягивало в себя сам воздух, насыщаясь им, как топливом.

Но страшнее всего были его глаза. Они горели изнутри, как раскалённые угли в печи, — не просто светились, а пылали, источая жар, который, казалось, обжигал даже на расстоянии. В этом огненном взгляде не было ничего человеческого: ни тени разума, ни проблеска жалости, только первобытная, беспощадная жажда. Этот взгляд скользил по толпе, быстро, цепко, расчётливо — словно сканировал, оценивал, выискивал первую жертву. И каждый, на ком на мгновение задерживался этот пылающий взор, чувствовал, как по спине пробегает ледяной холод, а сердце замирает в глухом, паническом стуке.

Чудовище чуть наклонило голову, прислушиваясь к этому внезапному шуму — к сбивчивому дыханию людей, к стуку сердец, к шороху шагов тех, кто уже начал пятиться назад. Уголки его губ дрогнули в подобии усмешки — или, скорее, оскала, обнажившего длинные, острые зубы. И в этот миг стало ясно: оно не просто готово к прыжку — оно жаждет его.

Люди дрогнули. Кто-то попятился, спотыкаясь о собственные ноги, кто-то метнулся в сторону, пытаясь протиснуться между телами, а кто-то так и остался стоять, прикованный ужасом к месту, не в силах оторвать взгляд от чудовища.

Среди этой толпы, зажатый между стеной и хаосом, стоял молоденький конвоир. Его руки тряслись так сильно, что винтовка ходила ходуном, но он всё же сумел направить её на существо. С губ сорвался хриплый окрик, скорее от страха, чем от храбрости.

Выстрел грохнул, разорвав воздух, но пуля лишь высекла искру из стены, попав в старый гвоздь. Существо молнией увернулось, двигаясь с нечеловеческой скоростью. В следующее мгновение оно уже было возле молодого конвоира. Время будто замедлилось, давая всем увидеть этот кошмар в деталях: резкий взмах, свист рассекаемого воздуха — и голова конвоира отлетела в сторону, окропив горячей кровью всех, кто стоял поблизости.

На секунду в помещении повисла мёртвая тишина — такой абсолютной, звенящей неподвижности не бывает даже в вакууме. Потом тишину разорвал чей-то истошный крик, и этот звук словно ударил по нервам, выдернув всех из оцепенения.

Паника взорвалась, как пороховая бочка. Крики, вой, топот ног, удары о стены, новые выстрелы — всё смешалось в единый, оглушающий хаос. Люди кинулись врассыпную, толкаясь, падая, цепляясь друг за друга в отчаянной попытке спастись. Но в этом безумии уже чувствовалось: бежать некуда. Тень, пробудившаяся в бараке, только начала свою охоту.

Метель наконец, к утру утихла. Дорога стала проходимой, и к участку прибыла дополнительная конвойная группа. То, что они увидели, заставило даже самых закалённых бойцов побледнеть.

Снег вокруг барака был густо залит кровью. По всему участку валялись обрывки одежды, вещи, а среди сугробов — фрагменты человеческих тел. Двери зимовки были выломаны и разбиты в щепки, в стенах чернели пулевые отверстия. Казалось, здесь бушевал не просто шторм, а сама преисподняя.

Старший прибывшей группы, едва сдерживая дрожь, прыгнул в машину и помчался в лагерь. Через час он уже запинаясь от волнения, докладывая начальнику лагеря о случившемся.

Полковник, начальник лагеря, был из тех военных, про кого говорят «крепко сбитый»: невысокий, коренастый, с плотной, будто отлитой из чугуна фигурой, в которой не было ни грамма лишней мягкости — только сила, выдержка и годами отточенная собранность. Его мундир сидел безупречно: ни складочки, ни натяжения — ткань словно подчинялась воле хозяина, а не диктовала свои условия. На погонах тускло поблёскивали звёзды, но взгляд цеплялся не за знаки отличия, а за саму его стать: в ней читалась привычка нести ответственность и отдавать приказы, которые не принято обсуждать.

А взгляд у него был особенный — жёсткий, прямой, будто насквозь просвечивал собеседника, отделяя суть от шелухи. В нём не было злости, но и теплоты не было тоже: только холодная, трезвая оценка, умение видеть слабые места и просчитывать ходы наперёд. Такие глаза не умоляют и не уговаривают — они требуют точности, дисциплины, результата.

Когда он выслушал доклад, лицо его в одно мгновение стало каменным — будто кто-то опустил невидимый затвор, отсекая любые эмоции. Ни дрожи в скулах, ни резкого вдоха, ни мимолётного движения бровью: только мгновенная, стальная собранность, когда весь внутренний ресурс мгновенно стягивается в одну точку.

И тут же, без паузы, без лишних слов, он отдал приказ — чётко, рублено, так, что каждое слово падало, как гиря: собрать усиленную группу и немедленно выдвигаться на место.

Среди суеты и криков, среди мечущихся туда-сюда военных, из тёмного нутра барака вытащили худощавое, почти невесомое тело. Это был единственный выживший — заключённый Николаенко, осуждённый по 58-й статье. Он был обнажён, покрыт кровью и чем-то ещё, от чего у опытных солдат подкатывала тошнота.

— Он что-нибудь может рассказать? — спросил полковник, глядя на дрожащего, полубезумного человека.

Лейтенант, стоявший рядом, только отрицательно покачал головой:

— То смеётся, то рыдает. Всё твердит: «Они сами, я не виноват...»

Пока полковник отвернулся, чтобы перекинуться парой слов с майором Петренко, Николаенко извернувшись, вырвался из рук конвоиров и метнулся к полковнику. В его глазах не было ни страха, ни раскаяния — только дикий, животный ужас и ярость. Одним прыжком он оказался рядом и успел вцепиться зубами в оголённую кисть полковника.

На мгновение всё замерло. Затем раздался глухой удар — один из конвоиров прикладом сбил Николаенко с ног. Тот обмяк и рухнул у сапог полковника.

— Ах же чёрт... — выдохнул полковник, разглядывая прокушенную до крови руку. — Вот же, паскудник... так прокусить...

Лейтенант, быстро обернувшись уже стоял перед полковником с бинтами в руках.

Следственная группа работала на участке несколько дней. Они собрали все улики, какие смогли найти, но картина оставалась мутной, непотной и пугающей. В итоге остановились на самой простой и удобной версии: нападение диких животных. Тайга бывает жестокой, особенно в такие морозы.

Николаенко отправили на принудительное лечение. Психологическая экспертиза подтвердила: у него тяжёлое расстройство психики. Он больше не мог связно говорить о той ночи, лишь бормотал бессвязные фразы, вздрагивал от резких звуков и иногда вдруг начинал хохотать без причины.

Позже, стало известно, что Николаенко, умер и без особых разбирательств похоронен.

А полковник... С ним начало происходить нечто странное. Спустя несколько месяцев его здоровье стало стремительно ухудшаться. Он худел, слабел, жаловался на постоянную боль, которую не могли объяснить ни анализы, ни осмотры. Врачи разводили руками, не в силах

поставить диагноз. Наконец, после долгих споров и голосования на медицинской комиссии, ему вынесли приговор: онкология. Полковника списали на пенсию — «на дожитие», как сухо выразился один из врачей. По их прогнозам, жить ему оставалось пару месяцев.

Через месяц полковник исчез. У него не было ни семьи, ни близких, только равнодушные соседи, которые и рассказали, что, когда видели его в последний раз: будто он по разговорам, записался в геологоразведочную партию, отправлявшуюся на север. Дальше след терялся.

Трагедия на лесозаготовительном участке так и осталась загадкой.

Официальная версия о диких животных не объясняла ни поведения Николаенко, ни внезапной болезни полковника, ни его исчезновения.

Иногда, когда ветер гудел в печной трубе, старые лагерные работники переглядывались и шептались, что в ту ночь в тайге творилось нечто куда более страшное, чем просто буря.

Глава 2

ГЛАВА ВТОРАЯ

1996 г. Москва. ГОРТРАНСЭНЕРГОГАЗБАНК

Молодая брюнетка вышла из здания ГОРТРАНСЭНЕРГОГАЗБАНК — и в этом движении, была целая история. Она привычно расправила плечи, будто сбрасывала с них невидимую тяжесть, сковывавшую её изнутри всё то время, пока шли переговоры. Этот жест был почти незаметен для случайного наблюдателя, но в нём читалась целая гамма чувств: облегчение, усталость и одновременно — твёрдая уверенность в том, что она справилась.

Деловой брючный костюм сидел на ней идеально, словно был создан специально для неё: лаконичный крой подчёркивал стройную фигуру, а чёткие линии придавали силуэту собранность и решительность. Ткань была качественной, сдержанного тёмно-синего оттенка — не кричащего, но внушающего доверие. Пиджак слегка облегал плечи, не стесняя движений, а брюки с идеальной стрелкой добавляли образу строгости и динамики, будто она всегда готова сделать следующий шаг.

В руке она держала кожаный портфель — тёмно-коричневый, с благородной патиной, слегка потёртый на углах, что придавало ему не изношенность, а характер. Он выглядел солидно, весомо, и казалось, будто в нём хранится не просто папка с документами, а ключ к чему-то важному — к сделке, к новому этапу, к победе. Пальцы уверенно сжимали ручку, без напряжения, но крепко — так держат то, что нельзя потерять.

Длинные чёрные волосы были собраны в строгий хвост: ни одной выбившейся пряди, никаких отвлекающих деталей. Гладкая линия причёски подчёркивала чёткие черты лица — высокие скулы, слегка припухлые губы, прямой нос, выразительные тёмные брови. Лишь несколько тонких волосков у висков мягко обрамляли лицо, добавляя образу не столько мягкости, сколько живой естественности.

Внешне она сохраняла безупречную деловую строгость: ни улыбки, ни торопливости, ни малейшего намёка на эмоции. Её походка была размеренной, но не медленной — в ней чувствовалась целеустремлённость. Взгляд оставался спокойным и чуть отстранённым, будто она продолжала мысленно прокручивать детали только что завершившихся переговоров, проверяя, не упустила ли чего-то важного.

Прохожие, спешащие по своим делам, скользили по ней взглядами и тут же забывали — ещё одна уверенная женщина в центре города, одна из сотен. В её облике не было ничего кричащего или вызывающего, что могло бы надолго задержать чужой взгляд: только сдержанная элегантность, профессионализм и внутренняя собранность.

Но внутри у неё всё ликовало, будто в груди разгорался тихий, но яркий огонь. За внешней невозмутимостью скрывалась буря эмоций — радость от удачно завершённого дела, гордость за собственную выдержку, предвкушение новых возможностей. И пусть никто этого не видел, сама она чувствовала, как с каждым шагом этот внутренний свет разгорается всё ярче, наполняя её энергией и желанием двигаться дальше.

Сделка была заключена — и не какая-нибудь, а на внушительную сумму. И что особенно радовало, юридически всё было безупречно, легально, прозрачно. Да, конечно, имелись нюансы — те самые подводные камни, о которых не пишут в основных пунктах договора, но которые потом могут обернуться головной болью. «С этим я разберусь позже», — мысленно отмахнулась брюнетка, позволяя себе на долю секунды представить, как позже, в спокойной обстановке, она разложит эти сложности по полочкам и найдёт решение.

Она остановилась на мгновение, подставив лицо прохладному ветру, и глубоко вдохнула. Город шумел вокруг: гудели машины, где-то неподалёку раздался короткий смешок, кто-то окликнул кого-то по имени. Но для неё этот шум сейчас звучал как аплодисменты — тихие,

невидимые, предназначенные только ей. Она чуть заметно улыбнулась — совсем на миг, так, что никто не успел бы заметить, — и, крепче сжав ручку портфеля, уверенно направилась вперёд. Впереди ещё было много работы, но сейчас она имела полное право гордиться собой.

Взгляд скользнул по припаркованному у главного входа автомобилю: представительный, дорогой, её крепость на колёсах. Он всегда внушал ей чувство защищённости — словно между ней и всем остальным миром стояла надёжная, отполированная до блеска преграда.

Телохранитель, он же водитель, который ей всегда открывал дверь её автомобиля, на этот раз не было.

Этот нюанс слегка кольнул брюнетку, где-то глубоко в мозгу, но не напряг, легкая эйфория, давала о себе знать...

Она открыла правую заднюю дверь, на секунду задержавшись, чтобы ощутить знакомый холодок металла, и опустилась на мягкий кожаный диван, привычно устраиваясь на своём месте.

И только тогда, уже почти расслабившись, краем глаза она заметила фигуру на месте водителя Гриши. Только это был не Гриша.

Гриша, её телохранитель, был человеком-скалой, от одного его вида у недоброжелателей пропадало желание даже смотреть в сторону Светланы. Он мог не блистать умом, но преданность у него была абсолютная, железобетонная. А тут... на его месте сидел мужчина средних лет, шатен, ничем не примечательный. Ни ярких черт, ни запоминающихся деталей — такой растворится в толпе за секунду. И всё же что-то в нём заставляло нервничать.

Тридцатью минутами ранее.

Возле главного входа банка, сверкая полированным боком, стоял престижный автомобиль представительского класса — словно немой символ успеха и власти. Или, если присмотреться, просто очень дорогой способ сказать: «Я тут главный, не стойте у капота».

Рядом с ним, словно живая преграда (а заодно и аргумент в любом споре), возвышался Григорий — огромного роста лысый бугай. Его внушительная фигура и тяжёлая нижняя челюсть будто заранее предупреждали: с этим парнем лучше не связываться, если, конечно, у вас нет с собой торта размером с колесо от того самого представительского авто.

Он стоял неподвижно, как статуя, которую забыли подписать и поставить в музей, но взгляд его упорно скользил по парку развлечений напротив. То задержится на «американских горках» — будто прикидывает, выдержит ли конструкция его вес, то на беззаботно гуляющих мамашах с детьми посмотрит с таким видом, будто пытается вспомнить, как вообще выглядит «беззаботность».

В его глазах читалась классическая смесь скуки и напряжённого ожидания — примерно, как у кота, который уже полчаса сидит у закрытой двери кухни и делает вид, что вовсе не ждёт, когда ему дадут колбасу. Казалось, Григорий вот-вот вздохнёт, почешет затылок, которого, правда, нет, и пробормочет: «Ну сколько можно? Я тут уже третий час стою, а мне даже кофе никто не вынес...»

И всё же, несмотря на всю свою монументальность, в нём угадывалось что-то трогательное: будто внутри этого грозного охранника живёт маленький мальчик, который тоже хотел бы прокатиться на каруселях, но пост не позволяет. Так и стоял он — грозный, неподвижный, идеальный страж порядка... и тайный фанат аттракционов.

— Григорий? — раздался позади него негромкий голос.

Бугай резко обернулся, и на мгновение в его взгляде мелькнуло что-то похожее на удивление.

Позади стоял мужчина средних лет — тот самый тип человека, которого в толпе замечаешь не сразу, а потом вдруг ловишь себя на мысли, что взгляд сам к нему возвращается. Среднего роста, он не пытался казаться выше или значительнее: просто стоял спокойно, чуть расставив ноги, будто прочно укоренённый в этом месте и в этом моменте.

Шатен с аккуратной, почти классической стрижкой производил впечатление человека, привыкшего к порядку: ровные линии и чёткие контуры причёски не допускали ни малейшей небрежности, а лёгкая седина у висков лишь добавляла облику зрелости и солидности. В этой стрижке не было показной роскоши, но угадывалась спокойная привычка следить за собой — без излишеств и фанатизма.

Тёмно-серый костюм сидел безупречно, но не выглядел парадным: в его сдержанности чувствовался особый вкус. Рубашка спокойного светлого оттенка не отвлекала внимание, а лишь подчёркивала собранность образа. Никаких броских аксессуаров, никаких лишних деталей — даже запонки, если и присутствовали, оставались незаметными. Весь облик словно транслировал одну мысль: уверенность не нуждается в демонстрации.

Лицо мужчины хранило непроницаемое выражение — словно закрытая книга, не дающая ни намёка на внутренние переживания. Холодная невозмутимость окутывала черты, скрывая и чувства, и намерения. Но за этой маской спокойствия угадывался характер: в твёрдой, чуть упрямой линии губ, в чётких очертаниях скул, в горделивом изгибе лица. Эти едва заметные штрихи намекали, что за внешней сдержанностью таится целый мир невысказанных мыслей и твёрдая воля.

В облике незнакомца не было ничего кричащего — ни ярких акцентов, ни суетливой мимики, ни вычурных деталей. И именно в этой лаконичности заключалась его особенность. Его невозмутимость казалась почти осязаемой — глубокой, уверенной, естественной. Она словно тихо сообщала: этот человек не требует, чтобы мир вращался вокруг него, — он просто в этом не сомневается. И эта спокойная уверенность делала его куда заметнее любой броской детали.

— Гриша, возьми денежку, на карусель, — мужчина быстро всунул в огромную ладонь бугая банкноту, — и на мороженое!

Слова прозвучали обыденно, почти по-отечески, но в них таилась властная сила. Голос словно проник в самую глубь сознания Григория, заглушив все лишние мысли. И вдруг что-то щёлкнуло внутри него — не приказ, а тёплое, почти детское предвкушение.

— Спасибо, дядя! — вырвалось у Гриши, и его лицо расплылось в широкой, искренней улыбке.

Сжимая банкноту в своей массивной руке, он уже не казался грозным бугаем. Теперь он был просто большим ребёнком, которому пообещали маленькое чудо. Спешной, чуть неуклюжей походкой Григорий направился в сторону парка развлечений, где яркие огни и весёлые крики обещали ненадолго стереть из памяти всю тяжесть взрослой жизни.

— Светлана, добрый день! — голос мужчины прозвучал спокойно, буднично, будто они встречались каждый день.

«Что за хрен? Где мой Гриша? Этот хрен меня знает... Это плохо», — мысли в голове Светланы пронеслись со скоростью пули. Она замерла на мгновение, но тут же взяла себя в руки. Паниковать — роскошь, которую она не могла себе позволить. Дверь плавно закрылась за ней, отрезав от улицы.

— Ты кто? — Светлана не стала тратить время на вежливость. Её взгляд стал острым, сканирующим. Она искала хоть намёк на угрозу, но... ничего. Ни напряжения в плечах, ни бегающих глаз, ни дрожи в пальцах. Абсолютное спокойствие. И это пугало даже больше, чем открытая агрессия.

— Я ваш, друг, — ответил мужчина, глядя куда-то вперёд, а потом скользнул взглядом в зеркало заднего вида, — но пока представляюсь как ваш наниматель.

«Наниматель?» — эта мысль застряла в голове Светланы. За всё время, что она занималась своими... особыми делами, никто никогда не пытался её нанять. Наоборот, это она выбирала, кого «убедить» поддержать её благотворительный фонд. Её методы были изящны,

почти артистичны, и она гордилась тем, что могла найти подход даже к самым непробиваемым людям. Как, например, к Спиридону.

Георгий Николаевич Спиридонов, он же Спиридон, выглядел так, что даже случайные прохожие будто инстинктивно делали полшага в сторону, освобождая ему пространство. Он был крупным — не просто высоким, а именно массивным, с той тяжёлой, основательной статью, которая говорит о годах физической силы и привычки полагаться на неё. Широкие плечи, мощная грудная клетка, руки с крупными кистями — в них чувствовалась способность не только удержать, но и сломать, если понадобится.

Голова была гладко выбрита — не из моды, а будто как знак: ничего лишнего, никакой маскировки, только суть. На коже черепа, чуть тронутый загаром, проступали едва заметные следы старых шрамов — тонкие, белёсые линии, которые он не прятал и, кажется, даже не вспоминал. Они были частью его истории, как потёртости на рукояти надёжного ножа.

Лицо было грубоватым, будто высеченным из камня: тяжёлый, выступающий подбородок, широкие скулы, нос с лёгкой горбинкой — след давней драки, которую он, вероятно, выиграл. Но главным в его облике был взгляд. Тяжёлый, прямой, немигающий — такой, что человеку под ним становилось неуютно, будто его просвечивают насквозь, оценивая, взвешивая, решая, есть ли в нём хоть капля угрозы или пользы.

Одевался Спиридон не броско, но дорого — так, чтобы одежда не отвлекала от него самого. Тёмный костюм сидел свободно, не стесняя движений, рубашка — без узоров, строгого оттенка, галстук — сдержанный, без вычурных узлов. Никаких цепей, перстней или других «криминальных украшений»: ему не нужно было доказывать свой статус побрякушками. Его статус читался в осанке, в том, как он занимал пространство, в этой спокойной, почти ленивой уверенности, что всё вокруг — в пределах его досягаемости.

И в этой привычке — забирать всё, до чего мог дотянуться, — не было суетливой жадности. Это была холодная, расчётливая привычка сильного человека, который привык, что мир устроен по его правилам. Он не тянулся за мелочами — брал то, что имело вес, значение, силу. И делал это без лишних слов, без театральных жестов: просто протягивал руку — и вещь оказывалась у него.

В нём не было ни капли меценатской мягкости, ни намёка на желание снискать добрую славу. Скорее наоборот: его имя шепталось в определённых кругах не как символ щедрости, а как предупреждение. И этот образ — крупного, бритого, с тяжёлым взглядом мужчины, который не просит, а берёт, — стал в криминальном мире почти легендарным. Не героем, не благодетелем, а силой — неумолимой, весомой и лучше не попадаться ей на пути.

Незванный гость, достал портативный телевизор, где на экране появилось изображение кабинета, где Спиридон, будучи владельцем банка, сидел, за своим тяжёлым столом, за которым Спиридон смотрелся не просто хозяином положения — он будто сам был частью этой властной, тяжёлой эстетики. И вот снова на экране появилась Светлана: она входит в кабинет с той же ровной, уверенной походкой, без лишней спешки, но и без тени робости. В её движениях не было вызова, однако и покорности не было тоже — только спокойная твёрдость человека, который знает цену своим словам.

Звук не было, но было отчетливо видно, как Светлана говорила — чётко, подбирая фразы так, чтобы ни одна не повисла в воздухе впустую. И самое поразительное — Спиридон слушал. Не отводил взгляд, не посматривал на часы, не делал нетерпеливых жестов, которыми обычно обрывают тех, кто говорит лишнее. Его тяжёлый, привыкший подавлять одним только видом взгляд теперь был сосредоточен на ней. В нём читалось не согласие, но готовность услышать — а для Спиридона это уже было почти признанием силы собеседника.

А потом случилось и вовсе невероятное: он улыбнулся. Не той снисходительной усмешкой, которой одаривают просящих, а настоящей, пусть и сдержанной, улыбкой — будто что-то

внутри него щёлкнуло, признавая: перед ним не очередной проситель, а человек, умеющий держать удар и вести игру.

Дальше всё пошло как по маслу — или как по сценарию, который Светлана продумала до мелочей. Спиридон взял ручку, неторопливо, но решительно поставил подпись на документах. Движение было уверенным, без колебаний — он не из тех, кто меняет решения на полпути. Потом, к удивлению всех присутствующих, он пожал руку — коротко, твёрдо, без лишних эмоций, но как равный равному. Этот жест говорил больше любых слов: сделка состоялась, правила приняты, границы обозначены.

Наконец, он взял папку и протянул её Светлане. Не бросил небрежно, не пододвинул по столу, а именно передал из рук в руки — как символ того, что ответственность теперь на ней. Их пальцы на мгновение соприкоснулись, и в этом мимолётном контакте будто проскочила искра взаимного уважения. Светлана приняла папку спокойно, без торжествующего блеска в глазах, лишь чуть заметно кивнула — достаточно, чтобы зафиксировать момент, но недостаточно, чтобы показаться самодовольной.

В кабинете на секунду повисла тишина — та самая, которая бывает после важного рубежа. Все будто выдохнули, осознавая, что только что произошло нечто значимое. А Светлана, не теряя темпа, развернулась и направилась к выходу — не спеша, но целеустремлённо, как человек, у которого впереди ещё много дел. И Спиридон, глядя ей вслед, едва заметно кивнул, словно подтверждая про себя: да, эта женщина знает, что делает.

Всё как обычно. Но видеть это со стороны, глазами незнакомца, было странно, почти интимно.

— Интересно, — произнёс мужчина, убирая телевизор. — Как вы такого волевого и сильного человека, как Спиридон, заставили себя слушать? И ещё удивительнее — выполнять ваши указания. Уж не чары ли какие?

— Он ко мне проникся уважением, — ответила Светлана, стараясь сохранить невозмутимость.

Незнакомец хмыкнул:

— Спиридон и уважение? Ой, Светлана, не смешите меня. Ваши чары с него спадут, и он будет вас искать. И он вас найдёт! И он точно будет готов к тому, что может вновь попасть под ваши чары, и будет предохраняться. Деньги свои он вернёт, и его не смутит, что деньги он сейчас перевёл на благотворительный фонд. Я не удивлюсь, если он ещё и у фонда что-нибудь заберёт.

Незнакомец на секунду задумался, чуть склонив голову, будто взвешивая каждое слово, прежде чем произнести его вслух. В этой короткой паузе чувствовалась не растерянность, а привычная сдержанность — он не бросался фразами, предпочитая сначала всё обдумать. Затем он поднял взгляд на Светлану, и в его спокойных, чуть прищуренных глазах мелькнуло что-то вроде искреннего недоумения.

— А вообще, Светлана, зачем вам деньги Спиридона? — произнёс он ровно, без напора, но с той особой интонацией, которая заставляет прислушаться. — Они у вас и так есть, ну или попросите у отца. Я уверен, что любящий отец никогда не откажет своей единственной дочери.

Он говорил так, словно пытался не столько переубедить, сколько по-отечески предостеречь — будто видел в её стремлении заполучить эти деньги какую-то скрытую опасность, о которой она сама пока не догадывалась. В его голосе не было ни упрёка, ни насмешки, лишь тихая уверенность в том, что есть куда более простые и надёжные пути, чем связываться с человеком вроде Спиридона.

Светлана молчала. В его словах была жестокая правда. Она знала, что время работает против неё. Спиридон не тот человек, который долго остаётся под впечатлением. Рано или поздно пелена спадёт, и тогда... лучше не думать.

Деньги нужны были срочно и в большом количестве, и Спиридон, хоть и был далеко не лучшим вариантом, оставался единственным выходом — Светлана отчётливо видела все риски, а потому знала: при иных обстоятельствах она ни за что не обратилась бы к нему.

— Поэтому я и предлагаю вам работу, — продолжил мужчина. — Вы человек, который мне пригодится. А я взамен решу вопрос со Спиридоном.

Он вышел из машины, обернулся в проёме открытой двери и протянул ей визитку. Ждал, пока она заберёт её, не убирая руку, пока пальцы Светланы не сомкнулись на плотном картоне.

— Если надумаете, жду вас завтра к девяти по этому адресу. Светлана, всего вам доброго!

Дверь закрылась, и в салоне повисла тишина. Светлана осталась наедине со своими мыслями и с этой проклятой визиткой. А через секунду мужчину уже подхватил откуда-то взявшийся микроавтобус.

— Вот же попала, — выдохнула Светлана, сжимая в руке визитку так, что уголки впились в ладонь. — Где этот debil Гриша?

А в это время огромный Гриша, забыв обо всём на свете, весело хохотал, катаясь на карусели. В одной руке он сжимал поручень карусели, в другой — мороженое. Его громкий смех распугивал родителей, гуляющих с детьми, но ему было всё равно. Он чувствовал себя ребёнком, свободным и счастливым, и даже не подозревал, что в эти минуты его подопечная стояла на перепутье, от которого зависело всё.

Светлана посмотрела в окно, на город, на людей, спешащих по своим делам. Всё казалось таким обычным, таким нормальным. Но она знала: с этой минуты ничего уже не будет как прежде.

Глава 3

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

9.00. Москва, офис компании «КОНСАЛТИНГ ЭЙЧАР ЭНД ИНЖИНИРИНГ»

Это был старый городской архив — здание с толстыми стенами и высокими потолками, где время будто застыло. Тяжёлые дубовые двери, потёртые ступени, запах пыли и старой бумаги — всё здесь словно сопротивлялось бегу времени. Даже солнечные лучи, пробивавшиеся сквозь мутные стёкла, казались не современными, а какими-то выцветшими, будто впитавшими в себя десятилетия.

Особенно это резко контрастировало с названием офиса «КОНСАЛТИНГ ЭЙЧАР ЭНД ИНЖИНИРИНГ», что красовалось на блестящей табличке прямо над входом. В самом названии, казалось, говорило всё о прогрессивном, технологичном мире: стремительные аббревиатуры, английский язык, намёк на скорость, эффективность, цифры и графики. Будто кто-то нарочно поставил символ будущего на пороге прошлого, чтобы подчеркнуть нелепость такого соседства.

Светлана толкнула тяжёлую дверь старого здания — петли скрипнули, будто ворчали на непрошеную гостью.

Внутри пахло пылью, старым деревом и чем-то неуловимо канцелярским, как в заброшенных архивах.

Тёмный холл был недостаточно освещён, несмотря на большие окна: тусклый свет не проникал в помещение в полном объёме. Казалось, будто само пространство сопротивлялось свету — он просачивался внутрь скупыми, робкими полосами, словно боялся рассеять царящую здесь полутьму.

Свет, ложился на пол неровными пятнами, не в силах дотянуться до дальних углов, где тень сгущалась, становясь почти осязаемой. В этих тёмных зонах терялись очертания мебели — массивных кресел с высокими спинками, старинного шкафа, притаившегося у стены, и длинной вешалки, чьи изогнутые крючки напоминали когти.

Пол, выложенный крупной каменной плиткой, отражал скудный свет лишь местами: там, где поверхность была особенно гладкой, мелькали тусклые блики, похожие на рябь на тёмной воде. В остальных местах камень поглощал свет, становясь частью этой густой, вязкой полутьмы.

Холл не казался ни заброшенным, ни нежилым — скорее, он будто существовал в промежуточном состоянии: между светом и тьмой, между ожиданием и покоем. Он не приглашал войти, но и не отталкивал — просто принимал каждого, кто переступал порог, в свои приглушённые, сдержанные объятия, где каждый звук становился чуть тише, а каждый шаг — чуть осторожнее.

Девушка сидела в полутени холла — лишь холодный свет монитора очерчивал её силуэт, придавая ему почти нереальную чёткость. На ней была строгая белая блузка с аккуратным воротником и едва заметной вертикальной строчкой вдоль планки; ткань выглядела плотной, но не жёсткой — словно специально подобранной для долгих рабочих часов. Пуговицы были застёгнуты до самого верха, но не выглядели сковывающими: в этой сдержанности чувствовалась не стеснённость, а осозанный выбор.

Волосы тёплого коричневого оттенка, густые и с лёгким естественным блеском, были собраны в тугую, но не безжизненный пучок: несколько тонких прядей мягко выбивались у висков, словно сопротивляясь строгой геометрии причёски. Это придавало образу не столько небрежность, сколько живую человечность — будто даже дисциплина не могла полностью укротить её природную энергию.

На переносице сидели очки в тонкой металлической оправе; стёкла чуть поблескивали в отсветах экрана. Время от времени она чуть сдвигала их кончиком пальца — привычное, почти незаметное движение, выдававшее усталость или, наоборот, момент особой концентрации.

Её лицо было сосредоточенным: брови чуть сведены, взгляд то стремительно скользил по строкам на мониторе, то возвращался к клавиатуре, где пальцы бежали по клавишам с уверенной, отточенной скоростью. В этом ритме не было суеты — только собранность человека, который точно знает, что делает, и не намерен терять ни секунды.

В её осанке чувствовалась привычка к долгим часам за столом: прямая спина, чуть наклонённый вперёд корпус, локти свободно лежат на подлокотниках, но кисти будто всегда готовы к действию. Даже в неподвижности в ней ощущалось внутреннее напряжение — как у музыканта перед сложной партией или у аналитика перед решающим расчётом.

Время от времени она делала короткий, почти незаметный вдох, будто собираясь с мыслями, и снова возвращалась к работе — быстрая, точная, целиком поглощённая задачей. В этой сосредоточенности не было отрешённости: она оставалась здесь, в комнате, в моменте, просто её внимание было направлено туда, где оно было нужнее всего.

В этот момент сейчас ее ничто не могло отвлечь: ни приглушённые шаги редких посетителей, ни тихий гул кондиционера, ни даже резкий звонок телефона, который она каждый раз сбрасывала, чтобы не сбиваться с мысли. — Здравствуйте, вас ждут в четвёртом кабинете, — произнесла она, не поднимая глаз от экрана.

— Отлично! — бодро ответила Света, хотя внутри всё сжималось от странного предчувствия.

Четвёртый кабинет нашёлся быстро: массивная дверь с потускневшей латунной табличкой. Света глубоко вдохнула, словно перед прыжком в холодную воду, и вошла.

Комната оказалась неожиданно просторной для такого скромного здания. В центре — овальный стол, вокруг него — восемь стульев, будто для тайного совета. У стен — уютные кресла, журнальные столики, диван, на стене — экран для проектора. Обстановка была странной смесью офисного уюта и конспиративной строгости.

В кабинете находились двое. Первым был тот самый мужчина, с которым она накануне встретилась в машине. Теперь, при хорошем освещении, его черты казались удивительно будничными: спокойные карие глаза, едва заметная улыбка — ничего бросающегося в глаза, ничего, что цепляло бы взгляд. Рядом с ним — невысокий светловолосый парень, теребил в руках очки, то снимал, то надевал обратно.

— Здравствуйте, господа! — громко, чуть нарочито бодро поприветствовала их Света.

Она подошла ближе к мужчине.

— Вчера вы не представились! — в голосе прозвучал упрёк, но без злости — скорее, как способ вернуть себе контроль над ситуацией.

— Простите, — он улыбнулся, протягивая руку. — Меня зовут Сергей Анатольевич, можно просто Сергей, позывной — «Умник».

Он развернулся к парню:

— А этого юношу зовут Иннокентий, позывной — «Зеро».

Кеша был из тех людей, рядом с которыми даже самый хмурый день будто становился чуточку светлее. Он двигался легко, чуть суетливо — словно постоянно спешил успеть за собственными мыслями.

Светловолосый, с волосами, которые вечно чуть топорщились, будто он только что провёл по ним рукой, пытаясь собрать мысли в кучу, он выглядел так, словно жизнь постоянно подкидывала ему новые идеи быстрее, чем он успевал их записывать. Невысокий и худощавый, он не производил впечатления человека, при взгляде с первого раза, можно было принять за «ботана»: легко можно было бы представить его образе маленького человечка, в слегка вели-

коватой толстовке, с рюкзаком, набитым до отказа, и стопкой блокнотов, торчащих из бокового кармана.

Но в этот раз, на Кеше, была простая футболка, уже не раз стиранная: ткань слегка выцвела, а край, которым он привычно протирал очки, совсем истрепался. В этой детали крылась вся его суть — не гнаться за идеальным, а пользоваться тем, что под рукой, и не переживать из-за мелочи.

Очки у Кеши были крупные, в тонкой оправе — они придавали ему вид задумчивого учёного, который вот-вот сделает великое открытие... или хотя бы наконец разберётся, как работает кофемашина. Он то и дело снимал их, протирал линзы краем футболки — и в эти мгновения его лицо становилось удивительно открытым, почти детским, будто без очков он видел мир чуть иначе: проще, добрее, с большим любопытством. Потом снова надевал — и снова становился собой: внимательным, собранным, готовым ко всему.

Так и в этот раз, снял очки, протер и снова надел. Посмотрел на Светлану, улыбнулся и сделал знакомый жест — сжатый кулак и два растопыренных пальца: «Виктория».

— «Зеро»? Ты же мой хакер! — чуть громче, с удивлением воскликнула Света. — Я же тебя нанимала пару раз для мелких дел...

— Скорее, его хакер, — кивнул Кеша в сторону Сергея, слегка пожимая плечами.

Света обвела взглядом комнату, потом снова посмотрела на мужчин.

— С вами, мальчики, мне всё ясно. А как мне представиться?

— Как тебя в миру зовут, мы знаем, а позывной предлагаю — «Крестная», — спокойно ответил Умник. — Нравится?

— Стоп, мальчики, какой позывной? Зачем мне позывной? Я с вами ещё ни о чём не договорила!

— Уверяю тебя, Светлана, позывной тебе пригодится, — произнёс Умник с той самой уверенностью, которая одновременно раздражала и внушала доверие.

Света перевела взгляд на Кешу. Тот молча кивнул, будто подтверждая: да, тут так принято.

— А почему «Крестная»? — уже тише спросила она.

— Потому что несёшь людям добро, — ответил Умник, чуть склонив голову. — Будто сказочная фея, только с характером.

Света фыркнула, но в груди что-то ёкнуло — не от обиды, а от неожиданной точности. Она прошла по комнате, села напротив Кеши, оперлась локтями о стол.

— И чем вы, мальчики, тут занимаетесь? — её взгляд метался от одного к другому, пытаясь ухватить хоть намёк на правду за этой игрой в позывные.

Умник подошёл, отодвинул стул и сел рядом с Кешей, будто так им было спокойнее держаться вместе.

— Вкратце расскажу, — начал он, и эта фраза прозвучала не как вступление к байке, а как начало серьёзного доклада. — В семидесятых годах была сформирована группа из сотрудников КГБ. Они занимались паранормальными явлениями, поисками разного рода артефактов, и разного рода преждевременных технологий, а также лиц, обладающих экстрасенсорными способностями, на территории Советского Союза, а позже — России.

Он сделал паузу, будто давая ей время уложить в голове этот неожиданный пазл. И правда, нужно было осознать масштаб: целая группа профессионалов, серьёзная структура, государственная машина, которая годами методично изучала то, что большинство считало выдумкой.

— С развалом СССР было принято решение об официальном расформировании группы, — продолжил Умник, и в его голосе проскользнула едва уловимая усмешка, но не весёлая, а горькая, словно от нелепости самой идеи, что такие вещи можно просто закрыть приказом. — Но фактически она не была распущена, а перешла на нелегальное положение — с прямым

подчинением избранному кругу лиц в правительстве России. Сейчас к группе прикреплены несколько агентов-кураторов из силовых ведомств, но в целом вся деятельность ведётся самостоятельно.

Умник развёл руками, будто показывая: вот она, вся правда, простая и невероятная одновременно.

Он на мгновение замер, будто собираясь с мыслями, и тихо произнёс:

— Мир куда сложнее, чем способно охватить наше восприятие. Мы привыкли опираться на зрение и слух, но это лишь крошечный фрагмент реальности. Её истинная суть — в сплетении видимого и скрытого, осязаемого и непостижимого. И есть пласты бытия, до которых наука пока не дотянулась — не потому, что их нет, а потому, что наши инструменты ещё не готовы их уловить.

Умник слегка наклонил голову, словно прислушиваясь к собственным словам, и продолжил:

— Границы привычного физического мира куда условнее, чем кажется. В них уживаются феномены, которые не укладываются в рамки сухой рациональности. Представьте: иные формы бытия могут существовать прямо рядом с нами, в том же пространстве и времени. И я говорю не о далёких мирах, а о чём-то близком — буквально под боком.

Сделав паузу, Умник опёрся локтем о стол и чуть понизил голос:

— Например, земные цивилизации, опережающие нас на столетия. Кто-то прячется в глубинах коры, где жизнь подчиняется иной логике, кто-то — в вечной тьме океанских бездн. Их образ мысли, технологии, само существование могут быть настолько чуждыми, что мы либо не способны их распознать, либо сознательно не хотим замечать.

Он откинулся на спинку стула, на мгновение прикрыл глаза, будто выстраивая в уме невидимую карту, и заговорил снова:

— Не менее загадочен и сам человек. В глубинах нашего сознания дремлют способности, о которых мы почти ничего не знаем. Чаще всего они пробуждаются не в покое, а в моменты крайней угрозы — как древний механизм выживания, почти забытый цивилизацией. Телепатия, обострённая интуиция, чувство того, что лежит за пределами органов чувств... Возможно, это рудименты более целостного восприятия мира, которое, когда-то было для нас естественным.

С лёгкой усмешкой Умник провёл ладонью по столу:

— Можно бесконечно дискутировать о порталах, технологиях, опередивших время, о формах разума, не поддающихся классификации. Но именно на стыке науки, мистики и запретного знания работает наша группа. Мы не ищем публичности — она здесь только мешает. Действуем тихо, стараясь не оставлять следов. Наша цель — не доказать, что-то миру, а собрать крупицы истины там, где другие видят пустоту. Пусть это звучит как фантастика, но для нас это обычная работа: полная загадок, рисков и редких, но бесценных открытий.

Закончив, Умник чуть склонил голову, будто стряхивая с себя налёт отвлечённых теорий, и посмотрел на Светлану — спокойно, без вызова, но с твёрдой уверенностью в своих словах.

— Это короткая справка о том, где тебе предстоит работать, — добавил он. — Кстати, ты можешь по-прежнему руководить своим благотворительным фондом — это у нас не запрещается. Но лучше, чтобы этим занимался твой заместитель. А меценатов привлекать придётся обычным способом — уговорами и убеждением. Никаких... особых методов.

Света слушала, и в голове роились мысли. Паранормальные явления, секретные группы, нелегальная работа под прикрытием правительства... Это звучало как сценарий плохого сериала. И всё же что-то в его словах цепляло — не наигранная таинственность, а спокойная уверенность человека, который знает, о чём говорит.

— Сергей, ты всё это мне рассказываешь с такой стопроцентной уверенностью, будто я уже согласилась и буду у вас работать, — наконец произнесла она, глядя ему прямо в глаза.

— Мы умеем подбирать кадры, — снова улыбнулся Умник. — Сомневающихся мы не зовём.

Света откинулась на спинку стула и посмотрела в потолок, где старая лепнина причудливо переплеталась с современными светильниками — как будто два мира, прошлое и настоящее, столкнулись в этой комнате.

«Крестная», — мысленно повторила она. Странное слово. Немного пафосное, немного детское. Но... в нём было что-то своё. Что-то, что отзывалось внутри.

Она опустила взгляд, посмотрела на Кешу — тот снова протирал очки, будто пытался разглядеть в них ответ. Потом на Умника — спокойный, уверенный, будто знал о ней больше, чем она сама.

И вдруг поняла: она уже почти согласилась. Не из-за угроз, не из-за обещаний, а из-за этого странного чувства — будто её место именно здесь, среди этих людей, в этой тайной комнате, где прошлое сплетается с настоящим, а обычные слова обретают новый смысл.

— Ладно, — выдохнула Света, выпрямляясь. — Допустим, я в деле. Рассказывай дальше. Что мне нужно делать?

Умник кивнул, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на уважение.

— Начнём с простого, — сказал он. — С твоего первого задания.

Глава 4

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

8.30. Москва. Небольшой московский дворик

Тихий московский дворик будто застыл в утренней полудреме. Лишь три бабульки на лавочке у подъезда дома номер 7 нарушали эту тишину — оживлённо что-то обсуждали, размахивая руками. Но стоило во двор бесшумно въехать микроавтобусу, как все трое разом замолчали и уставились на машину, будто на явление из другого мира.

Из микроавтобуса вышла брюнетка — походка уверенная, взгляд спокойный, будто она каждый день появлялась в таких дворах, чтобы менять чужие судьбы. Прошла мимо бабулек, те проводили её взглядами и, едва она скрылась в подъезде, так же синхронно, будто по невидимой команде, возобновили свой разговор.

На третьем этаже дверь квартиры оказалась не заперта. Светлана — теперь уже Крестная — прислушалась: из кухни доносился громкий, раскатистый храп. Она медленно двинулась на звук.

Светлана, которую теперь звали Крестной, замерла на пороге кухни, будто примеряясь к этой странной, застывшей в запустении квартире. Воздух здесь был тяжёлый, пропитанный запахом несвежей еды, пыли и чего-то ещё — горького, безнадёжного. А над всем этим витал громкий, раскатистый храп.

Мужик, уткнувшийся лицом в стол, казался частью этого беспорядка — словно ещё один предмет обстановки, который давно пора вынести на помойку. На его голове, слегка накренившись, покоилась опрокинутая чашка с недоеденной капустой. Рядом стояла бутылка с прозрачной жидкостью. Светлана подошла ближе, взяла бутылку за горлышко, поднесла к носу, чуть принюхалась. Водка. Она поставила бутылку на место, будто даже это прикосновение могло её замарать.

Когда Крестная, листала страницы досье в офисе, и перед глазами складывался не сухой перечень фактов, а живая, горькая история. Хозяин квартиры — бывший капитан ГРУ, человек, который прошёл через столько, что хватило бы на десяток жизней. Неоднократный участник боевых действий, он знал цену каждому приказу, каждой секунде на грани. Но последнее задание стало для него переломным: из-за халатности руководства он потерял большую часть своей группы. Тех, с кем делил риск и хлеб, кто прикрывал спину.

Эта потеря сломала в нём что-то важное. Гнев, копившийся месяцами, прорвался наружу — и его руководство оказалось в больнице. Формально это было рукоприкладство, нарушение устава, но для него — единственный способ сказать: «Вы не имеете права так распоряжаться чужими жизнями». Военная комиссия поставила диагноз — посттравматическое стрессовое расстройство — и комиссовала капитана. Но диагноз не стал лекарством: боль не ушла, а только затаилась, дожидаясь своего часа.

Справиться с ней он пытался по-своему — через алкоголь. Сначала это была попытка заглушить ночные кошмары, потом — привычка, которая постепенно взяла верх. А следом рухнуло и то, что ещё держало его на плаву: жена, не выдержав напряжения и постоянных ссор, ушла, забрав с собой дочь-подростка.

Квартира была трёхкомнатной, и каждая комната рассказывала свою историю. В хозяйской спальне стояла большая двуспальная кровать и массивный платяной шкаф. Светлана открыла дверцы — внутри было пусто. Ни платья, ни блузки, ни даже забытого шарфа. Только запах старого дерева и тишины.

Следующая комната сразу выдавала себя: детская. Стены пестрели наклейками — аниме-персонажи, цветочки, в углу притулились мультяшные единороги. У стены стояла односпаль-

ная кровать, рядом — письменный стол и небольшой шкафчик. Светлана подошла к шкафчику, запахнула дверцы. Пусто. Как и в спальне.

Она медленно огляделась. Бардак здесь был не свежим, а давним — такой, что уже успел стать частью интерьера. Пыль лежала ровным слоем, на полу валялись скомканные бумажки, старые игрушки, обрывки чего-то ненужного. Но при этом квартира не выглядела одинокой. Казалось, ещё совсем недавно здесь звучал женский голос, раздавались детские крики, кто-то торопливо вытирал стол, поправлял шторы, клеил на стену новые наклейки. А теперь — ни одной фотографии. Только светлые прямоугольники на обоях там, где раньше висели снимки. Следы людей, которые когда-то жили здесь и вдруг исчезли.

Светлана вернулась на кухню. Мужик всё так же храпел, уткнувшись в стол, будто мир за пределами этой комнаты его больше не касался. Она присмотрелась к нему: заношенные армейские штаны, тяжёлые ботинки, тельняшка, из-под которой выглядывал шрам — след пулевого ранения. На плечах темнели старые татуировки — знаки спецназа, память о другой жизни. Теперь от того бойца осталась только тень: расплывшееся тело, заросшее лицо, глаза, в которых давно погас огонь.

— Мужик, — громко произнесла Светлана. — Слышишь меня?

В ответ раздался ещё более мощный всхрап.

— Мужчина, вставайте, приехали, конечная! — она нарочно заговорила голосом кондуктора, резко и властно.

— Щас, щас, — пробормотал мужик и снова засопел.

Светлана едва заметно улыбнулась. Хоть какой-то прогресс.

— Мужчина? Братан? — она повысила голос.

— А чё? — наконец поднял голову бородач. Его лицо было лицом человека, который слишком долго жил на дне: широкий лоб, густая купеческая борода, в которой застряли крошки капусты, хлебные крошки, пятна масла — видимо, от рыбных консервов. Глаза смотрели мутно, будто сквозь густую пелену.

— Ты кто? — прохрипел он, пытаясь сфокусировать взгляд на гостье.

— Друг. Твой друг, — спокойно ответила Светлана.

— Ты хозяин квартиры? — добавила она чуть позже.

— Я, — буркнул он, всё ещё не понимая, что происходит.

— Тебя Николаем зовут? — спросила она, будто проверяя, что тот кто перед ней, является тем, кого она ищет.

— Что надо? — рявкнул он, теряя терпение.

Светлана не спешила. Она смотрела на него, оценивая, прикидывая, есть ли в этом человеке хоть искра того, кем он когда-то был.

— Значит, Николай. Думать можешь? В порядок себя привести можешь?

— Зачем? — нахмурился он.

Она не собиралась обещать ему избавление от всех бед и не пыталась сотворить чудо — лишь протягивала тонкую ниточку, за которую, быть может, стоило ухватиться. Крохотный, едва уловимый шанс, хрупкий, как стекло, но всё-таки шанс.

— У меня есть для тебя предложение, — проговорила она ровно, без лишней суеты, будто взвешивала каждое слово на невидимых весах.

Николай оторвался от стола, выпрямился, оглядел гостью с ног до головы и ухмыльнулся, качая головой:

— Какое у тебя может быть ко мне предложение? Оглянись, девочка. У меня ничего нет!

Светлана выдержала его взгляд.

— Я дам тебе пять тысяч, — сказала она чётко. — При условии, что ты сейчас приведёшь себя в адекватное состояние, чтобы меня выслушать. Согласен?

— Пять тысяч? Чтобы просто послушать? — в его голосе проскользнуло недоверие, смешанное с жадностью.

Он протянул руку — грязную, в масляных пятнах, будто только что копался в моторе.

— По рукам!

Светлана хотела было пожать её, но, увидев грязь и подозрительные жирные разводы, резко одёрнула свою руку.

— Сначала умойся!

Николай хмыкнул, обтёр ладони о штаны.

— Ну хорошо. Сейчас. Пять минут.

Он поднялся во весь рост — и этот простой жест вдруг стёр с него часть той тяжести, что давила все последнее время. Под слоем запущенности, под рыхлой полнотой, которую время и обстоятельства будто нарочно на него наложили, всё ещё прятался тот самый боец — не позабывший, не сломленный до конца.

Коренастый, крепко сбитый, с плечами, будто созданными для того, чтобы держать на себе груз — не только физический, но и моральный. В нём чувствовалась порода человека, привыкшего стоять твёрдо, даже когда земля уходит из-под ног. Короткая стрижка, когда-то, наверное, по уставу аккуратная, теперь выглядела чуть небрежно, но не теряла формы: дисциплина не исчезла, просто стала тише, ушла вглубь. А на висках уже серебрилась седина — не признак старости, а скорее карта прожитых лет, каждая прядь — отметка о пройденном испытании.

Даже сейчас, посреди этого хаоса, в нём угадывалась сила — не бьющая в глаза, не кричащая, а затаённая, собранная. Она не рвалась наружу, не искала повода проявиться, но была, как туго сжатая пружина: её слишком долго давили, гнули, испытывали на прочность, но она всё ещё хранила в себе энергию, готовую в любой момент распрямиться. Достаточно было лишь искры, верного слова, правильного вызова — и эта скрытая мощь могла вспыхнуть с прежней силой.

Глаза смотрели мутно, будто сквозь густую пелену — то ли от усталости, то ли от чего-то более глубокого, что разъедало изнутри. В этом взгляде не было ни злобы, ни отчаяния, ни даже особой боли — скорее, тяжёлое, вязкое равнодушие, выработанное временем, когда слишком многое теряешь и перестаёшь цепляться за остатки. И всё же, если постараться, за этой пеленой можно было разглядеть отблеск прежнего огня — того самого, что когда-то заставлял его идти вперёд, несмотря ни на что.

В его осанке, пусть и чуть ссутуленной от усталости, всё ещё читалась привычка держать спину прямо, не опускать головы перед трудностями. Он не пытался казаться тем, кем не был, не рисовался, не тянулся вверх, чтобы казаться внушительнее, — ему не нужно было ничего доказывать. Он просто был. И в этом спокойном, тяжёлом присутствии чувствовалось: жизнь его потрепала, но не победила. Где-то внутри, под всеми слоями усталости, запущенности и равнодушия, всё ещё жил боец — готовый, если понадобится, снова выйти на ринг.

— Борец, наверное, — тихо пробормотала Светлана, скорее себе, чем ему. — Или рукопашник.

Через пятнадцать минут Николай вышел из ванной. Лицо было умыто, борода причёсана, одежда чуть приглажена. Запах алкоголя никуда не делся, но выглядел он уже как приличный человек.

Он остановился в дверях, посмотрел на Светлану — уже не мутным, а чуть более ясным взглядом.

— Я готов, — сказал он коротко.

Светлана сделала паузу, будто взвешивала каждое слово, прежде чем продолжить. В воздухе повисла неловкая тишина — та самая, когда один человек готов открыть карты, а другой ещё не решил, хочет ли он их видеть.

— Я пришла к тебе, чтобы озвучить предложение, — произнесла она медленно, с расстановкой, глядя прямо в глаза Николаю.

Но не успела она договорить фразу до конца, как бородач резко вскинул руку, будто отмахиваясь от её слов.

— Стоп! — рявкнул он, и голос его прозвучал неожиданно твёрдо, без прежней хмельной вялости. — Сначала пять тысяч, — процедил он, снова поднимая глаза на девушку.

Светлана не стала спорить, не стала читать мораль. Она просто достала из кармана купюру и протянула её Николаю — спокойно, без пафоса, будто это была не взятка и не подачка, а просто часть сделки.

— На.

Николай взял банкноту, на мгновение задержал взгляд на цифрах, словно проверяя, не мираж ли это. Потом резко свернул её и сунул в карман штанов — так, будто боялся, что, если промедлит, деньги исчезнут. Звук шуршащей бумаги прозвучал в тишине кухни почти оглушительно.

Он выпрямился, расправил плечи, и на миг в нём снова проглянул тот самый бывший боец — человек, привыкший держать удар и не отступать.

— Слушаю, мадам, — изобразил он лёгкий полупоклон, пытаясь сохранить остатки достоинства.

— Сегодня ты точно бухать не будешь, — твёрдо сказала она.

— Без бухла мне ещё хуже, — процедил он, глядя на неё с ненавистью и одновременно с какой-то отчаянной надеждой.

Он хотел схватить бутылку, но Крестная оказалась быстрее — схватила её первой.

— Но мне это необходимо! — почти выкрикнул Николай, и в его голосе прозвучала не просто настойчивость, а отчаянная, почти болезненная потребность быть услышанным.

Каждую ночь сон настигал Николая не как отдых, а как неотвратимое возвращение в прошлое — в тот самый день, который он изо всех сил пытался оставить позади. Ему снились его погибшие сослуживцы, и среди них особенно отчётливо, с пугающей, почти осязаемой ясностью, возникал образ молодого солдата — совсем мальчишки, которому в день гибели исполнилось девятнадцать лет.

Этот парень всегда держался чуть в стороне, не лез вперёд, но и не прятался за спинами других. В нём была какая-то тихая, упрямая твёрдость — будто он понимал, что оказался там, где должен быть, и собирался пройти этот путь до конца, не жалуясь. Николай помнил, как тот в редкие минуты затишья доставал из нагрудного кармана потёртое письмо, бережно разворачивал его и перечитывал, будто черпая в этих строчках силы. В письме была простая, до боли знакомая история: дома у него осталась единственная старенькая мама. Она писала о будничных вещах — о том, как тяжело стало управляться с хозяйством, как скрипят половицы в старом доме, как крыша понемногу сдаёт позиции под напором дождей, и уже не держит воду, как раньше. В этих строках не было жалоб — только тихая констатация фактов, от которых у парня сжималось сердце.

И вот теперь, во снах, этот солдатик смотрел на Николая так, будто ждал от него чего-то — не оправданий, не слов утешения, а какого-то действия, какого-то знака, что его жизнь, его короткая, оборвавшаяся на взлёте судьба, не была напрасной. «Ты нам должен», — повторяли все они, его сослуживцы, хором и по отдельности, и эти слова звучали не как упрёк, а как напоминание о чём-то важном, что осталось незавершённым.

Сны были до жути реалистичными: Николай чувствовал запах сырой земли, слышал отдалённый гул, видел лица товарищей такими, какими они были в тот день — усталыми, сосре-

доточенными, живыми. И каждый раз, когда он просыпался, липкий холод пробежал по спине, а в груди оставалось тяжёлое, давящее чувство вины — будто он выжил случайно, по ошибке, и теперь должен сделать что-то, чтобы оправдать это случайное спасение.

— Завтра к девяти будь по этому адресу, — она попыталась вложить в его ладонь небольшую карточку, будто передавала не кусок картона, а ключ к чему-то важному.

— К тебе есть интерес, — добавила Крестная спокойно, без нажима, но так, что фраза прозвучала весомо. — Не просто любопытство, а реальный интерес со стороны нужных людей.

Николай хмыкнул, взгляд остался тяжёлым, будто каждое слово приходилось выдёргивать из вязкой тишины.

— Больше не воюю, — проговорил он глухо, словно отрезал. — Хватит с меня. Да и охотники за кадрами давно перестали соваться — после того случая, когда я одного с лестницы спустил, как-то резко все энтузиазм потеряли.

Крестная не отступила, не стала спорить или уговаривать. Просто чуть наклонила голову, удерживая его взгляд, и снова протянула карточку — теперь уже не как приказ, а как приглашение, от которого можно отказаться, но лучше бы не надо.

— Эти люди — другие, — сказала она ровно. — Тут тебе не придётся ни за кого умирать. Скорее наоборот — ты сам будешь заинтересован в жизни. Поверь.

— В чудеса не верю, — отрезал он.

— И я не верю, — кивнула она. — Но верю в то, что ты ещё можешь всё вернуть. Семью. Себя.

Он взял карточку, повертел в руках, будто не понимая, что с ней делать.

— Чтобы ты сегодня выспался, посмотри мне в глаза, — тихо, но властно произнесла Крестная.

Их взгляды встретились.

— Спать, — жёстко сказала она.

И Николай рухнул на пол — не от удара, не от слабости, а потому что приказ прозвучал не снаружи, а внутри, пробившись сквозь толщу его боли и отчаяния. Тело обмякло, дыхание стало ровным.

Крестная постояла над ним минуту, потом наклонилась, поправила край тельняшки, будто укладывала спать ребёнка.

— Молодец, хоть поспишь немного, — прошептала она и вышла из квартиры.

Спустилась по лестнице, прошла мимо бабулек — те снова что-то оживлённо обсуждали, не замечая ничего вокруг. А может, делали вид, что не замечают. Светлана скользнула в тёмный проём двери микроавтобуса, и машина бесшумно тронулась с места.

В квартире на третьем этаже Николай спал — впервые за долгие месяцы без кошмаров.

Глава 5

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

8.58. Москва, офис компании «КОНСАЛТИНГ ЭЙЧАР ЭНД ИНЖИНИРИНГ»

Сонный утренний дворик, ещё не успевший проснуться от городской суеты, вдруг взорвался рёвом мотоцикла. Звук прокатился между домами, спугнул голубей с карнизов и заставил дворника у соседнего подъезда недовольно покоситься в сторону шума.

Возле небольшого старенького здания мотоцикл резко остановился. Мотоциклист заглушил мотор, слез на землю, снял шлем, аккуратно повесил его на рукоять руля. И только потом направился к входу.

Казалось бы, это совсем неприметное здание — скромное, чуть обветшалое, с фасадом, хранящим отпечатки времени: местами облупившаяся краска, едва заметные трещины, будто шрамы от долгих лет службы. Оно словно старалось не привлекать к себе лишнего внимания, прячась в тени более высоких и броских соседей, и прохожий мог бы скользнуть по нему равнодушным взглядом, решив, что внутри — обычный, ничем не примечательный офис.

Но стоило лишь переступить порог, как реальность будто переворачивалась с ног на голову. За старой дверью открывалось неожиданно просторное пространство холла, наполненное светом до самых дальних уголков. Свет лился отовсюду: из высоких окон, сквозь которые пробивались солнечные лучи, из изящных встроенных светильников, мягко очерчивающих контуры помещения, из сияющих глянцевых поверхностей, умножающих каждый отблеск. Он не просто освещал холл — он словно наполнял его жизнью, делал воздух прозрачным и лёгким.

На стенах, словно огромные окна в мир, висели большие экраны телевизоров. Они показывали разные новостные каналы со всего света — кадры сменяли друг друга, создавая бесконечный калейдоскоп событий: репортажи с площадей далёких городов, прямые включения с мест происшествий, спокойные студийные эфиры. Это было похоже на пульсирующее сердце планеты, биение которого ощущалось прямо здесь, в этом холле. Экраны будто напоминали каждому входящему: здесь следят за всем, что происходит в мире, здесь понимают цену информации, здесь знают, что время не стоит на месте.

Стены холла были украшены дорогими современными панелями — строгими, лаконичными, но в то же время изысканными. Их поверхность переливалась едва уловимыми оттенками, играя со светом, то становясь почти зеркальной, то приглушая блеск до мягкого сияния. Всё вокруг блестело и сияло: полированный камень пола отражал свет, металлические детали фурнитуры ловили солнечные зайчики, стеклянные перегородки искрились, словно покрытые утренней росой.

И в этом сиянии, в этом безупречном порядке и продуманной роскоши чувствовалась не показная пышность, а уверенность, сила, статус. Это действительно была серьёзная, богатая контора — место, где принимают важные решения, где каждая деталь говорит о внимании к делу и уважении к тем, кто сюда приходит. Контраст между скромным, почти застенчивым фасадом и роскошным, наполненным светом интерьером создавал особое впечатление: будто за неприметной оболочкой скрывалась настоящая ценность, которую открывают только тем, кто готов заглянуть глубже.

В стороне от входа, словно на своём стратегическом посту, располагался внушительный офисный стол, а за ним сидела молодая девушка — миловидная, собранная, излучающая спокойную уверенность. Её волосы были уложены с особой тщательностью: каждая прядь лежала на своём месте, но при этом в причёске угадывалась лёгкая, едва уловимая небрежность — будто она сознательно оставила этот маленький штрих, чтобы показать: да, здесь ценят поря-

док и безупречность, но не собираются тратить драгоценные минуты на погоню за совершенством в мелочах.

Девушке на вид было лет двадцать — двадцать пять. В её облике сочетались юность и собранность, лёгкая непринуждённость и деловая хватка. Стройная, подтянутая фигура выдавала любовь к спорту: в каждом движении чувствовалась энергия, но без суеты — будто она привыкла держать себя в тонусе не ради чужого взгляда, а ради собственной эффективности.

На ней была белая блузка — простая на первый взгляд, но безупречно сидящая. Она мягко облегала фигуру, подчёркивая естественные линии, а чуть расстёгнутые верхние пуговицы добавляли образу непринуждённости: не вызывающей, а скорее расслабленной, будто девушка сознательно выбрала баланс между строгостью дресс-кода и личным комфортом. Декольте не кричало о себе, но ненавязчиво притягивало взгляд, становясь частью её уверенного, спокойного обаяния.

Тонкая шея казалась особенно изящной из-за лаконичной золотой цепочки с небольшой подвеской — скромное, но выразительное украшение, которое не спорило с образом, а лишь деликатно его дополняло.

За столом, где плоский экран монитора был чуть отодвинут в сторону — чтобы не загораживать обзор и не мешать видеть входящих, — девушка быстро и уверенно набирала текст. Её тонкие пальцы порхали над клавиатурой, а длинные белые ногти, аккуратные и ухоженные, лишь подчёркивали эту лёгкость движений. В них не было нарочитой броскости — скорее, это была часть её стиля: следить за деталями, но не позволять им становиться центром внимания.

Лёгкая улыбка едва трогала её губы — будто она вела переписку с кем-то приятным или только что прочла что-то, вызвавшее у неё внутренний отклик. Эта улыбка не была дежурной: в ней чувствовалась искренность, теплота, но без излишней открытости — словно девушка умела оставаться дружелюбной, не теряя профессиональной дистанции.

В ней ощущался особый тип уверенности — не напористой, а спокойной, выстроенной на понимании своих задач и умении с ними справляться. Она выглядела как человек, который знает, что делает, и делает это с удовольствием, не превращая работу в тяжёлую повинность и не теряя при этом ни капли собранности.

— Доброе утро, — спокойно произнёс Николай, стараясь стряхнуть с себя остатки уличного ветра и грохота мотора.

— Доброе утро! Проходите в четвёртый кабинет, вас ждут, — улыбнулась девушка, будто каждый день тут появлялись такие вот суровые типы на мотоциклах.

Николай прошёл по длинному, ярко освещённому коридору. В воздухе витал запах новизны — так пах недавно открытый офис и свежий сваренный кофе. Дверь с табличкой «4» он нашёл без труда. Толкнул, вошёл.

Внутри кипела жизнь.

Юноша в очках что-то горячо доказывал брюнетке, размахивая руками так, будто от этого зависела судьба мира.

В кресле сидел мужчина средних лет, лениво листая газету из разряда жёлтой прессы.

У кофемашины хлопотал седой мужчина лет пятидесяти — будто не просто готовил напиток, а проводил какой-то тонкий, едва уловимый ритуал. Его волосы были взъерошены, словно он то и дело запускал в них пальцы, размышляя над очередной головоломкой, а слегка помятый пиджак и накинутый поверх него старый лабораторный халат создавали образ человека, для которого удобство и работа важнее внешнего лоска. Халат, потрепанный и выцветший, хранил на себе следы долгих лет службы: тут и там виднелись едва заметные пятна, будто от пролитых реактивов или чернил, — словно летопись бессонных ночей и напряжённых поисков.

Приготовив себе чашечку кофе, мужчина на пару секунд замер, будто прислушиваясь к себе и к миру вокруг. Его лицо на мгновение застыло в особой сосредоточенности: он вздул

щёки, слегка выпучил глаза — словно вёл напряжённый внутренний диалог, спорил сам с собой, взвешивая аргументы и отыскивая единственно верное решение. В этот момент он напоминал учёного, который балансирует на грани озарения: ещё чуть-чуть — и пазл сложится, и всё встанет на свои места.

Одной рукой он крепко держал чашку, будто она была не просто сосудом с горячим напитком, а своего рода якорем, помогающим удержаться в бурном потоке мыслей. Другой рукой он то и дело делал короткие, порывистые жесты — будто расставлял невидимые фигуры на шахматной доске или очерчивал контуры ещё не сформулированной идеи. Эти движения были не хаотичными, а подчинёнными внутренней логике, словно он визуализировал свои рассуждения прямо в воздухе.

Выглядел он так, будто не спал уже не одну ночь: в чертах лица читалась усталость, в глазах — лёгкая краснота, а в осанке — напряжение долгих часов напряжённой работы. Но в этом образе не было ни отчаяния, ни изнеможения. Напротив, в нём чувствовалась упрямая решимость: он не собирался сдаваться, не собирался опускать руки, даже если усталость тянула вниз. В нём жила та самая внутренняя искра, которая заставляет идти вперёд вопреки всему, — искра человека, одержимого своим делом и верящего, что следующая чашка кофе, следующий жест, следующая мысль могут стать ключом к разгадке.

— Добрый день! — громко, чтобы перекрыть общий гул, произнёс Николай.

— Ну, все в сборе, — мужчина в кресле отложил газету, поднялся и подошёл к столу. — Предлагаю, коллеги, начать.

— Мне кто-нибудь расскажет, что я здесь делаю? — Николай данную фразу произнес так громко, что в комнате повисла тишина. Все разом обернулись на него, будто только сейчас заметили, что он вообще здесь.

— Я могу рассказать, — спокойно ответил мужчина, который до этого читал газету. — Вы, Николай, здесь по моей просьбе. И я предлагаю вам поучаствовать в интересном мероприятии. Есть желание?

— Пока не знаю, — честно ответил Николай.

— Ясно. Но надеюсь, понимание придёт, — кивнул мужчина. — Давайте познакомимся. Он обвёл рукой присутствующих.

— Вчерашняя ваша гостья — Светлана. Этот юноша в очках — Иннокентий, можно просто Кеша. Мужчина с кофе — Эдуард Николаевич. Ну а меня зовут Сергей. Как к вам, Николай, можно обращаться?

— Николай.

— Хорошо. Тогда предлагаю приступить к обсуждению вопроса.

Все стали рассаживаться за столом, поворачиваясь к экрану на стене. Свет в комнате погас, и из проектора ударил луч. На экране вспыхнула жуткая картина: захолустный дворик, залитый тусклым светом фонаря, и на фоне покосившихся гаражей — окровавленные, изуродованные тела.

— Ой, простите! — Кеша дёрнулся, быстро щёлкнул пультом, и вместо кошмара на экране появилась спутниковая карта России. — Не с того начал...

— Месяц назад, — голос Сергея стал сухим, деловым, без лишних эмоций, — во Владивостоке появилась серия нападений со смертельным исходом. Происходили они в разных районах города и пригорода — и каждый раз жертвами становились члены криминальных групп.

Кеша снова щёлкнул пультом. На экране вновь возник тот самый дворик. Потом кадры стали сменять друг друга: фото с разных ракурсов, крупные планы оружия, гильз, следов на асфальте.

— Это съёмка с последнего места происшествия, — продолжил Сергей. — Все жертвы принадлежали к одной группировке. На месте нашли оружие и гильзы. На некоторых телах

обнаружены следы человеческих зубов. Свидетели ничего не видели, но слышали выстрелы и крики.

— Криминальные разборки? — предположила Светлана, наклоняясь вперёд, будто пыталась разглядеть в этих фото что-то, что ускользало от остальных.

— По пулям и гильзам картина странная, — покачал головой Сергей. — Все пули и гильзы соответствуют оружию, найденному на месте. Чужих следов нет. То есть, по сути, люди стреляли из своего оружия, но друг в друга, или в стороны. Или это какая-то дикая постановка?

Светлана нахмурилась, будто пыталась сложить пазл, где не хватало половины деталей.

— Сколько всего жертв? — спросил Николай, впервые за всё время по-настоящему вовлекаясь в разговор.

Сергей посмотрел на него, чуть задержав взгляд, будто оценивая, готов ли этот человек к тому, что услышит дальше.

— На этом месте — пятнадцать человек. Всего было три эпизода: в первом — пять жертв, во втором — двенадцать, в третьем — пятнадцать. Итого — тридцать два разорванных тела. Местные власти пытаются скрывать информацию от прессы, но она всё равно просачивается.

Он положил на стол жёлтую газету. На первой полосе — кричащий заголовок: «Мафии конец! Власти натравливают обученных зверей на ОПГ».

— Это только начало, — Сергей ткнул пальцем в заголовок. — И нам предстоит выяснить, что там происходит. Потому что если это не разборки, не случайность и не работа какой-то спецгруппы, то... тогда остаётся нечто куда более интересное.

— Ну не человек же их всех порвал? — Светлана обвела взглядом комнату. В её голосе прозвучало не столько сомнение, сколько отчаянная надежда на то, что за этим кошмаром стоит не одиночка, а какая-нибудь отмороженная банда — пусть жестокая, но хотя бы понятная, укладывающаяся в привычные рамки расследования.

— А что нам вообще известно? — спросил Николай, обращаясь к Умнику и невольно потирая виски, словно пытался прогнать навалившуюся усталость.

— Нам известно, — начал перечислять Умник, ровным, бесстрастным голосом, — место происшествия, имена жертв, примерное понимание их рода занятий. Все они, кстати, не пересекались ни по работе, ни по кругу общения — на первый взгляд, между ними не было ничего общего.

— А имелись ли конфликты между какими-либо группами, к которым могли принадлежать жертвы? — произнесла Светлана, будто цепляясь за малейшую возможность найти хоть какую-то логику в происходящем.

— По предварительным данным, нет, — подытожил Умник. — Ни открытых противостояний, ни скрытых разногласий, ни даже бытовых стычек, которые могли бы перерасти во что-то большее. Всё чисто. Слишком чисто.

— А как тогда искать виновника всех этих случаев? — нерешительно озвучила Светлана то, что тяготило всех находящихся за столом людей. Её вопрос повис в воздухе, тяжёлый и горький, словно признание собственного бессилия перед лицом загадки.

— Именно это нам и предстоит выяснить, — спокойно подытожил Сергей. — Поэтому всем нам запланирован вылет во Владивосток — послезавтра.

Он посмотрел на Кешу и Эдуарда Николаевича.

— Вы вылетаете отдельным «комфортабельным» самолётом завтра вечером.

Кеша уже знал, что комфортабельный самолет у Умника, это военный транспортник, и от этого Кеша немного взгрустнул.

Потом его взгляд снова остановился на Николае, который всё ещё не мог оторвать глаз от застывшего кадра на экране — от этого дворика, от тел, от ощущения чего-то неправильного, неестественного.

— Николай, есть желание побывать с нами во Владивостоке?

Николай наконец оторвал взгляд от экрана, посмотрел на Сергея, потом на остальных — на Светлану, на Кешу, на Эдуарда Николаевича, который молча протягивал ему чашку кофе.

— Ну, я пока ничем не занят, — пожал плечами Николай, принимая чашку.

— Командировочные будут? — добавил он после паузы, и в этом вопросе прозвучала не жадность, а привычная осторожность человека, который давно не верит в бесплатные подарки судьбы.

— Конечно! — улыбнулся Сергей. — Всё будет, как положено.

Глава 6

ГЛАВА ШЕСТАЯ

12.00 «Рублевка». Дом Спиридона

За высоким каменным забором, будто выросшим из самой земли, высился дом, который легко было спутать со средневековым замком — массивные стены, узкие окна, башенки по углам. Казалось, время здесь застыло, а правила диктовали не законы, а сила.

У главных ворот — их и воротами-то назвать было сложно, скорее крепостными вратами — стояли охранники с короткоствольным оружием. Ещё несколько человек дежурили у въездных ворот позади дома, другие обходили периметр. С высокой долей вероятности охрана была и внутри. В саду неторопливо работали двое садовников, в окнах мелькали силуэты горничных — обычная, на первый взгляд, картина обеспеченной, тщательно охраняемой жизни.

Но спокойствие было обманчивым.

В один миг, словно по беззвучной команде, вся внешняя охрана рухнула на землю — не от выстрелов, не от криков, а от чего-то, что действовало быстрее и тише самой смерти. Никто не успел среагировать: ни схватиться за оружие, ни подать сигнал тревоги. Тела оседали неловко, будто из них разом вынули все кости, и замирали в неестественно застывших позах.

И тут же, словно из ниоткуда, с разных сторон через забор бесшумно перелетели лёгкие чёрные фигуры. Они двигались с пугающей синхронностью, будто были частями единого механизма: одинаковая черная униформа, черные балаклавы, скрывающие лица до неузнаваемости, в руках у некоторых — тепловизоры, чьи экраны мерцали тусклым зеленоватым светом, выхватывая из темноты малейшие признаки жизни.

Обменявшись короткими, отточенными жестами — парой взмахов рук, едва заметным наклоном головы, — они мгновенно распределились по секторам и двинулись к дому.

Их шаги были почти неслышны, движения — отточены до автоматизма. Проникнув внутрь, фигуры разделились на группы и разошлись по разным концам здания, растворяясь в полумраке коридоров.

А в это время за закрытыми дверями, у большого крытого бассейна, сидел Спиридон. В белоснежном толстом халате, с тарелкой перед собой, он выглядел почти домашним — если не считать тяжёлого, цепкого взгляда и привычки держать мир на коротком поводке.

Перед ним стоял секретарь Игорь — высокий, худощавый, с такой прямой спиной, будто в неё вставили стальной стержень. Его слегка вытянутый нос, казалось, сам по себе стремился вперёд, подчёркивая эту вечную попытку выглядеть собраннее и строже. Игорь и правда изо всех сил старался вытянуться по стойке смирно — не просто расправить плечи, а буквально стать выше, будто от этого зависела его значимость в глазах начальника.

Секретарь, докладывая о делах, и в том числе о той самой неприятной ситуации: о пятидесяти миллионах, которые Спиридон, сам не помня, как, перевёл в какой-то международный благотворительный фонд.

— Надо найти эту девушку! — рявкнул Спиридон, тыча пальцем в фотографии: где он сам стоит рядом с молодой брюнеткой и улыбается, как мальчишка. — Развела как лоха! Убью!

Он помолчал, будто взвешивая что-то в уме, и вдруг качнул головой — скорее нет. А потом уголки губ дрогнули в усмешке, и в глазах Спиридона вспыхнул совсем другой огонь — не деловой, а жадный, почти хищнический.

— Таких надо к себе брать, — протянул он неторопливо, разглядывая её, словно уже примерял к своему миру. Молодая, красивая... в ней было то самое сочетание, от которого у него внутри что-то загоралось. Умная, дерзкая — не из тех, кто опускает глаза и кивает по любому поводу.

Он чуть наклонил голову, будто пробуя эту мысль на вкус, и снова повторил, уже твёрже, с оттенком собственничества:

— Люблю таких. В них жизнь кипит. С ними не соскучишься.

— Георгий Николаевич, — спокойно произнёс Игорь, держа в руке телефон, — наш человек уже занимается этим вопросом. Думаю, вопрос двух, максимум трёх дней: кто она, чем занимается, где живёт...

Спиридон хмыкнул, но в глазах мелькнуло не столько раздражение, сколько тревога.

— Меня другое терзает, — произнёс он, делая паузу. — Как она меня заворожила? Колдунья, что ли?

— Может, расширить зону поисков? — подхватил Игорь. — Поискать среди тех, кто связан с эзотерикой, магией...

— Вряд ли она среди них, — фыркнул Спиридон. — Там чаще шарлатаны и мелкие мошенники. А она... — он снова посмотрел на фото, — она настоящая. Профессионал.

— Тогда можно добавить в список психологов, гипнотизёров, — предложил Игорь.

— Хорошая идея, — кивнул Спиридон. — Добавь.

И в этот момент дверь тихо щёлкнула. Секретарь Игорь рухнул на пол, и Спиридон увидел торчащий из его шеи дротик.

Он поднял глаза. В дверях стояли трое.

Двое огромных близнецов в форме медбратьев застыли у двери — будто не живые люди, а отлитые из металла статуи, поставленные здесь для устрашения и порядка. Их габариты внушали невольное уважение: широкие плечи, массивные торсы, руки, в которых даже самый крепкий человек почувствовал бы себя хрупким. Форма на них сидела туго, подчёркивая эту грубую, почти пугающую силу, и в то же время выглядела до нелепого буднично — словно маскировка, которая лишь подчёркивала, что перед тобой не обычные санитары.

Они не переглядывались, не шевелили пальцами, не поправляли рукава — стояли неподвижно, будто выключенные, и от этой полной, почти неестественной неподвижности становилось не по себе. В их молчании не было напряжения, но не было и покоя: это была тишина ожидания, тяжёлая, как перед грозой. Казалось, они способны простоять так часами, не моргнув, не шевельнувшись, пока не поступит приказ.

Между ними стояла молодая женщина в форме медсестры — и рядом с громоздкими, близнецами она казалась почти хрупкой, но не слабой, а по-своему стойкой, как тонкая ветка, которая гнётся, но не ломается под ветром.

Её лицо было миловидным, без резкой выразительности, но оттого особенно приятным — в нём не было ни напряжённой собранности, ни показной строгости, только мягкая, естественная открытость. Большие спокойные глаза смотрели так, будто в мире не существовало ничего, чего нельзя было бы унять добрым словом или терпеливым ожиданием. В их глубине не было суеты — лишь тихая готовность понять, услышать, помочь. Казалось, она умела видеть не только симптомы, но и человека за ними: усталость, спрятанную за бравадой, страх, замаскированный под раздражение, боль, которую стараются не показывать.

Лёгкая полуулыбка едва трогала её губы — не дежурная, не натянутая, а словно отражение внутреннего равновесия. Она не старалась никого очаровать, не искала одобрения; эта улыбка была скорее привычкой — способом мягко обозначить: «Я здесь, я не причиню вреда, можно выдохнуть». И удивительным образом даже самые напряжённые люди рядом с ней будто невольно сбрасывали часть брони, чуть опускали плечи, позволяли себе стать чуть уязвимее.

Форма сидела на ней ладно, но без излишней аккуратности, будто она не стремилась к идеальной выправке, а ценила в первую очередь удобство — чтобы в любой момент можно было наклониться к пациенту, поправить одеяло, взять чью-то руку в свою. В этом неброском

облике было что-то успокаивающее: она выглядела как человек, который знает своё дело, не кичится этим и не теряет человечности даже в самых тяжёлых обстоятельствах.

И в контрасте с неподвижными, похожими на стражей близнецами она становилась центром тишины в этом шумном, тревожном пространстве — той самой точкой, где можно было на секунду остановиться, перевести дух и поверить, что всё будет в порядке.

Никто из них не произнёс ни слова.

Медсестра спокойно подошла к Спиридону, отодвинула в сторону его тарелку с фотографиями — поставила на стол небольшой портативный телевизор с открытым видео, поставленным на паузу. Рядом положила кнопочный телефон — Nokia 3310.

Телефон зазвонил.

Медсестра молча кивнула Спиридону — бери, мол.

Он взял трубку, нажал кнопку.

— Георгий Николаевич, добрый день! — из трубки донёсся голос мужчины: негромкий, спокойный, с приятной, чуть бархатистой окраской — он словно сразу задавал мирный тон разговору.

— Ты кто?! — рявкнул Спиридон, но голос в трубке даже не дрогнул.

— Думаю, в той ситуации, в которой вы сейчас оказались, это не имеет значения, — так же мягко продолжил собеседник. — Посмотрите видео.

Спиридон коснулся экрана. Видео пошло.

На экране — новостной выпуск. Ведущий с серьёзным лицом рассказывал:

«Сегодня утром поступила информация о том, что известный предприниматель Спиридонов Георгий Николаевич из-за нервного срыва пытался совершить самоубийство, и только благодаря случайности этого не произошло. Сейчас, со слов близких к Георгию Николаевичу людей, стало известно, что в последнее время господин Спиридонов испытывал тяжелейшие психологические нагрузки, связанные с падением бизнеса, что и повлекло за собой нервные срывы. В настоящее время господин Спиридонов находится в одной из частных психиатрических клиник Москвы. По словам источников, позже он отправится на реабилитацию в одну из частных клиник в Швейцарии».

На экране возник незнакомый Спиридону молодой человек, который был из тех, чья внешность запоминается не броской красотой, а особой, почти театральной выразительностью. Аккуратное, чуть удлинённое лицо, тонкие, чётко очерченные брови, которые то взмывали вверх, то сходились у переносицы, подчёркивая каждую эмоцию. Его глаза беспокойно бегали, словно он пытался одновременно удержать в фокусе и собеседника, и собственные мысли, и весь мир вокруг — и от этого в нём чувствовалась редкая, почти неукротимая живость.

Герой ролика, будто сидел на краешке стула, подавшись вперёд, словно хотел через камеру дотянуться до собеседника и схватить его за руку, чтобы тот наконец-то всё понял.

— Здравствуйте! — выпалил он, чуть запнувшись на первом слове, будто только сейчас осознал, что его видят и слышат. — Я Антуан Голубовский, близкий друг Гоши... Ой, простите, Георгия Николаевича.

Он на секунду зажмурился, будто ругая себя за фамильярность, а потом снова распахнул глаза, и в них плескалась такая искренняя тревога, что ей, казалось, можно было заполнить целую комнату.

— Последнее время он так страшно переживал за свой бизнес... Там всякие кризисы, санкции, поставщики подводят, аренда растёт — я даже не представляю, как он всё это тянет. Иногда сидим с ним вечером, уютненько так, свечи зажигаем, чай пьём, я стараюсь его отвлечь, анекдоты какие-то рассказываю, глупые, но хоть бы улыбнулся... А он сидит, смотрит в одну точку, и у него глаза такие печальные, знаете? Прямо до дрожи.

Антуан нервно поправил воротник рубашки, потом провёл ладонью по волосам, будто пытался уложить не причёску, а собственные мысли.

— Я ему говорю: «Гошенька, ну не волнуйся, всё пройдёт! Ну правда, сколько уже было этих кризисов — и ничего, выплывали!» А он только плечами пожмёт и скажет: «Не в этот раз, Тотоша». И вот это «не в этот раз» меня больше всего пугает. Он ведь обычно борец, он никогда не сдаётся, а тут... будто свет внутри погас.

Он замолчал на мгновение, прикусив губу, и его пальцы, лежавшие на краю стола, слегка подрагивали.

— Я понимаю, что, наверное, несу сейчас какую-то эмоциональную чушь, и вам это совсем не нужно, но я просто... я не знаю, к кому ещё обратиться. С родными он не разговаривает — говорит, не хочет их пугать. Партнёры все заняты своими проблемами. А я... я просто вижу, как он тает на глазах. И мне кажется, если сейчас не сделать хоть что-то, он просто сломается.

На экране мелькнул фрагмент: Спиридон в больничной пижаме, слегка потрёпанный, с пустым, отрешённым взглядом, из уголка рта тонкой ниткой свисает слюна. Потом появился врач:

«Геorgia Николаевича доставили к нам несколько часов назад в нестабильном состоянии. Сейчас состояние больного стабилизировалось...»

Ведущий снова в кадре:

«Желаем Георгию Николаевичу скорейшего выздоровления».

Видео остановилось.

— Георгий Николаевич, это завтрашние новости, — голос из трубки снова стал слышен, такой же спокойный, будто речь шла о погоде. — По этому вопросу есть желание вести беседы?

Спиридон посмотрел на близнецов. Было ясно: если он сделает хоть одно неверное движение, эти двое превратят его жизнь в короткий, болезненный эпизод. Он понял: эти люди не шутят. Они не пришли за деньгами. Они пришли за контролем.

— Чего вам от меня надо? — его голос стал тише, ровнее.

— Выбор, — ответил голос. — Стать добропорядочным гражданином и меценатом — или стать сошедшим с ума бывшим олигархом, от которого все отвернутся. Мы это умеем делать. Я знаю, вы ищете брюнетку. Оставьте её в покое — и я оставлю в покое вас.

— Какая брюнетка? — попытался сыграть в непонимание Спиридон.

— Вы знаете, о ком речь. Денег вам от неё всё равно не вернуть, да и не в деньгах дело. Вы хотите вернуть самолюбие. А деньги благодаря вам пошли на благое дело — не это ли главное? Сами ли вы их принесли или божьим промыслом — уже не важно. Сейчас вам указали благой путь. Рекомендую им воспользоваться.

— Если я откажусь?

— Забвение, — просто ответил голос.

Спиридон молчал. Он понимал: эти люди могли бы просто его убрать. Но они предложили выбор. И в этом выборе не было иллюзий.

— Я вас понял, — наконец произнёс он.

Да, он всё понял. Те, кто к нему пришли, явно не нуждались в его деньгах. Для них он был не олигархом, а бывшим отморозком, который подобрал с пола пластмассовую корону и напялил её на своё раздутое эго. И самое обидное — Спиридон знал, что это правда. Пятьдесят миллионов для него — вечер в казино. Но репутация, имя, влияние — вот что было по-настоящему дорого. И вот что у него могли отнять в одну секунду.

— Хорошего дня, Георгий Николаевич, — сказал голос и отключился.

Спиридон положил телефон на столик. Медсестра забрала оба устройства — телевизор и телефон, наклонилась, вытащила дротик из шеи секретаря, спокойно, буднично, будто убирала со стола пустую чашку. Затем развернулась и вышла из зала. Близнецы последовали за ней, тихо закрыв за собой двери.

Оставшись один, Спиридон наклонился к Игорю, подобрал его телефон и нажал на кнопку вызова.

— Это Спиридон говорит, — произнёс он глухо. — По девке отбой. Я так сказал.

Он откинулся на спинку кресла, посмотрел на воду в бассейне, на блики света на поверхности. Впервые за долгое время он почувствовал не власть, а хрупкость своего положения. И впервые за долгие годы понял: иногда самый сильный ход — это не удар, а шаг назад.

Глава 7

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

6.55 Москва Аэропорт

Зал ожидания гудел, как растревоженный улей: объявления сливались в монотонный гул, чемоданы катились по полу, люди спешили, оглядывались, искали выходы и табло. В эту суету по очереди, с интервалом в несколько минут, вошли трое — и тут же растворились в толпе, будто и не были знакомы вовсе.

Умник первым прошёл паспортный контроль, небрежно бросил взгляд на вошедшего следом бородатого верзилу в спортивном костюме — и тут же вернулся к своей книжице, будто ничего интереснее в мире не существовало.

В противоположном конце зала, у окна с видом на взлётную полосу, Крестная листала туристический журнал. На обложке — пальмы, лазурный берег, беззаботные улыбки. Она мельком пробежала глазами по строчкам, но мыслями была далеко отсюда.

Бородач, вошёл в зал, осмотрелся, заметил свободное место в зоне кресел — и сразу направился туда. Усевшись, достал из-под мышки свёрнутый журнал про рыбалку и уткнулся в него, будто собирался провести в зале ожидания не час, а все выходные.

Вокруг сновали люди, не замечая друг друга, каждый был занят своим маленьким миром. Но через пятнадцать минут всё изменилось: объявили посадку на рейс Москва — Владивосток. Пассажиры ручейками потянулись к выходу, и трое из них — Умник, Крестная и Бородач — двинулись вместе, но по-прежнему не подавая виду, что знают друг друга.

У входа в самолёт их встретили две стюардессы — две противоположности, которые, сливаясь в едином ритме работы, создавали ощущение надёжности и уюта.

Виктория была словно воплощением северной прохлады и света: белокожая, с волосами цвета спелой пшеницы, уложенными в аккуратную, но не жёсткую причёску — будто ветер едва коснулся прядей и оставил их лежать так, как им самим хотелось. Её лёгкая улыбка не была широкой или навязчивой — она появлялась едва заметно, тонкой линией, и в ней чувствовалась искренность, а не заученная вежливость.

Анна, напротив, казалась согретой солнцем: её кожа хранила тёплый, ровный загар, а тёмно-каштановые волосы, чуть волнистые, были собраны в строгий, но не тугий пучок — так, чтобы ни одна прядь не мешала работе, но при этом сохранялся намёк на живую, естественную красоту. Её глаза — внимательные, цепкие, но вовсе не холодные — словно сканировали пространство, мгновенно замечая всё, что требовало внимания: пассажира, который замешкался, сумку, неудачно поставленную в проход, едва заметное напряжение в чьём-то лице. Она не просто смотрела — она видела, и от этого возникало чувство, что здесь ничего не ускользнёт от контроля. Её улыбка была чуть шире, чем у Виктории, и в ней было больше тепла — такого, которое помогает снять лёгкое волнение перед полётом, заставить человека выдохнуть и поверить, что всё будет хорошо.

Рассадив пассажиров, стюардессы провели инструктаж. Пилот по громкой связи поприветствовал всех, пожелал приятного полёта. Самолёт плавно оторвался от земли и встал на маршрут.

Спустя какое-то время после того, как лайнер вышел на крейсерскую высоту, по салону прозвучало разрешение отстегнуть ремни и свободно передвигаться. В воздухе сразу будто стало чуть легче: пассажиры начали потихоньку оживать после первых минут сосредоточенного ожидания — кто-то потянулся, кто-то достал из кармана телефон, чтобы мельком взглянуть на время, кто-то просто откинулся на спинку кресла, позволяя себе наконец выдохнуть.

Стюардесса Анна, плавно скользила между рядами кресел. Её движения были настолько выверенными, что она умудрялась проходить по узкому проходу, не задевая ни подлокотников, ни чьих-либо коленей, и при этом успевала замечать всё вокруг: пассажира, который нерешительно оглядывался, будто искал, к кому обратиться; ребёнка, беспокойно ёрзавшего рядом с мамой; пожилого мужчину, которому, казалось, было непросто устроиться поудобнее.

— Добрый день! — Анна снова улыбнулась, на этот раз чуть теплее, будто заранее хотела смягчить ту небольшую просьбу, с которой ей предстояло обратиться. — Простите за беспокойство, но у нас возникла одна ситуация... Не могли бы вы рассмотреть возможность поменяться местами с пассажиром из бизнес-класса?

Она чуть наклонила голову, стараясь поймать взгляд пассажира, чтобы он почувствовал: это не формальное требование, а искренняя просьба, в которой есть своя человеческая логика.

— Дело в том, что он и ваш сосед — родственники. Они очень хотели бы провести весь полёт рядом, быть вместе, особенно учитывая, что дорога предстоит неблизкая. Понимаю, что менять привычное место всегда немного неудобно, и, если это совсем невозможно — мы, конечно, всё поймём. Но если у вас получится пойти нам навстречу, это будет по-настоящему ценно.

Умник отложил книжку, посмотрел на соседа справа: тот смотрел в окно, потом повернул голову, улыбнулся и снова отвернулся.

— Конечно, — спокойно ответил Умник.

Поднялся с кресла, Умник, стараясь двигаться как можно аккуратнее, чтобы никого не задеть в тесном проходе. Он пошёл следом за стюардессой, слегка наклонив голову вперёд — будто так было проще сосредоточиться на том, чтобы не оступиться.

Проходя мимо бородача, Умник, случайно задевает его ногой

— Извините! — вежливо откланялся Умник.

— Смотри, куда прёшь! — буркнул Бородач.

— Ещё раз простите! — обернулся Умник.

Анна плавно отодвинула плотную штору, отделявшую эконом-класс от бизнес-класса. Ткань скользнула в сторону с едва слышным шуршанием, приоткрыв пространство, где всё выглядело чуть более размеренным и спокойным: кресла стояли свободнее, свет был мягче, а сам воздух словно дышал чуть иначе — без той лёгкой напряжённости, что витала в хвосте самолёта.

Умник, всё ещё немного смущённый недавней неловкостью, осторожно переступил порог, будто боялся, что его присутствие здесь — какая-то ошибка. Анна тут же закрыла штору за ним — лёгким, отработанным движением, без лишней суеты.

А в эконом-классе тем временем жизнь текла своим чередом. Бородач, не проронив больше ни слова, неторопливо поднялся из кресла. Его движения были нарочито расслабленными, будто он специально подчёркивал: «Я здесь хозяин положения, и мне всё нипочём». Он неспешно потянулся, с хрустом разгибая спину, будто сбрасывая с себя груз полёта — или, может, груз собственных дурных манер. Затем, похрустев пальцами, он двинулся по проходу в сторону туалета, покачивая плечами, словно демонстрируя всем вокруг свою непринуждённость.

Проходя мимо молодой брюнетки, сидевшей у окна, он вдруг приосанился, будто вспомнив о своей привлекательности. Слегка подмигнул ей — коротко, но выразительно, — а потом чмокнул воздух, посылая воздушный поцелуй. В этом жесте было столько нарочитой бравады, что он выглядел почти комично: будто Бородач пытался одним движением вернуть себе ощущение значимости, доказать себе и окружающим, что его настроение никак не испортила суета вокруг.

Брюнетка едва заметно поморщилась и тут же отвернулась к иллюминатору, делая вид, что ничего не заметила. Её плечи чуть напряглись, будто она хотела стать незаметнее, слиться

с креслом и забыть о существовании этого шумного соседа. Кто-то из пассажиров тихо хмыкнул, кто-то закатил глаза, но вслух никто ничего не сказал — в самолёте, где все вынуждены делить тесное пространство, люди часто предпочитают просто переждать неприятный момент, не вступая в конфликт.

Бородач дошёл до туалета, развернулся и двинулся назад — прошёл мимо пассажиров и мимо Крестной, по-прежнему сидевшей тихо, будто стараясь не привлекать к себе внимания. У шторы, отделявшей бизнес-класс, он ненадолго застыл, а затем шагнул за неё.

В тот же миг перед ним развернулась напряженная картина — время словно застыло, превратившись в бесконечно долгую, мучительную секунду. Слева от прохода стояла Анна, стюардесса, которая ещё недавно с тёплой улыбкой разносила воду и пледы. Теперь в её руке поблескивал шприц: прозрачный цилиндр, прозрачная жидкость, а игла холодно мерцала в тусклом свете салонных ламп. Лицо Анны, прежде такое доброжелательное, теперь казалось чужим — черты стали резкими, взгляд — жёстким и отрешённым, словно она больше не принадлежала себе и следовала чьему-то безжалостному плану.

Умника держали с двух сторон: сзади — мужчина в деловом костюме, его хватка не давала пошевелиться, а спереди мужчина в куртке-бомбере пытался обмотать ему рот скотчем.

— Опа! — хмыкнул Бородач, ухмыляясь. — Чё, чувак, не везёт в бизнесе?

— Гражданин, сядьте на своё место! — резко бросила Анна, шагнув к нему.

Бородач даже не подумал садиться. Резко вскинул руки — будто сдаётся... и в ту же секунду хлестко ударил левой ладонью стюардессе в горло.

Не давая никому опомниться, тут же выбросил руку в боковом ударе — прямо в лицо мужчине в кожанке.

Анна выронила шприц; пальцы судорожно вцепились в горло, рот беззвучно распахнулся в немом крике. Мужчина в кожанке рухнул на кресла — из носа хлынула кровь, алые капли брызнули на обивку.

Умник резко рванулся назад — и затылком впечатал в нос державшего его бизнесмена. Тот охнул и разжал руки, будто обжёгшись. Мгновение — и Умник уже летел вперёд, набрасываясь на мужчину в кожанке, который только-только пытался подняться.

Бородач молниеносно выбросил ногу вперёд — прямой удар пришёлся бизнесмену точно в корпус. Сила удара швырнула того вглубь прохода, словно куклу: он пролетел несколько шагов и врезался спиной в перегородку.

В тот же миг Анна рванула портфель бизнесмена, выхватила короткоствольный пистолет-пулемёт — и вскинула ствол, целясь в Бородача.

Не успела она перевести дыхание — штора резко откинулась, и в проходе возник сосед Умника, родственник пассажира из бизнес-класса.

Анна не колебалась: короткая очередь хлестнула по воздуху.

Бородач крутанулся на месте, уходя с линии огня, — и три пули, не найдя его, вонзились в грудь вошедшего.

Сосед пошатнулся, глаза расширились от шока — и рухнул на пол коридора эконом-класса, будто из-под него выдернули опору.

В ту же секунду Бородач молниеносно выбросил руку и выбил оружие из пальцев Анны.

Она, задыхаясь от ярости и страха, рванулась к нему — и тут же получила жёсткий удар ладонью в шею.

Её тело мгновенно обмякло, руки безвольно повисли, и она осела на пол.

Перепрыгнув через неё, Бородач приземлился в опасной близости от бизнесмена — тот уже стоял, и в его руке хищно поблескивал нож.

Не давая противнику даже моргнуть, бизнесмен рванул руку вперёд — выпад был таким резким, будто клинок сам жаждал крови.

Лезвие просвистело в считанных сантиметрах от Бородача, с сухим треском распоров ткань его спортивной куртки. В этом движении чувствовалась не просто сила — это была отточенная, ледяная точность профессионала.

Едва не потеряв равновесие от собственной инерции, бизнесмен тут же рванул руку назад, гася размах, и в ту же долю секунды перебросил нож в другую руку — ловко, почти небрежно. Но за этой небрежностью скрывался расчёт: смена хвата рушила привычный ритм боя, делая его непредсказуемым, заставляя противника гадать, откуда последует следующий удар.

Снова выпад — левой рукой, ниже, скользящим движением, будто он проверял, не дрогнет ли воздух перед остриём.

Мышцы плеч и предплечий вздулись под кожей, жилы на шее натянулись, как стальные струны, готовые лопнуть от напряжения.

Каждое движение было отточено до автоматизма, но в нём не было механической заученности: это была живая, хищная работа тела, привыкшего балансировать на грани. Одно неверное движение — и инерция утащит его вперёд, подставит под удар, превратив атаку в роковую ошибку.

Он не просто бил — он прощупывал пространство, искал слабинку, заставлял противника гадать, где вспыхнет клинок в следующую секунду.

Он не останавливался ни на миг — выпад, мгновенный откат, смена стойки, короткий шаг в сторону, чтобы уйти с линии атаки. Движения сливались в единый, безжалостный ритм, и пространство вокруг будто сжималось, подстраиваясь под него. Воздух становился густым, почти вязким: каждый вдох обжигал грудь колючим жаром, а в ушах нарастал глухой гул — то ли от напряжения, то ли от бешеного стука сердца, отбивавшего секунды, где каждая могла стать последней.

Лезвие снова рванулось вперёд — и в этот раз едва уловимый поворот запястья добавил движению смертоносную хитрость: если клинок встретит защиту, он скользнёт вдоль, не теряя скорости, превращая блок противника в ловушку. В этом жесте читался опыт множества схваток, где цена ошибки измерялась не баллами, а жизнью.

Но в его движениях не было ярости — только ледяная, отточенная сосредоточенность. Ни страха, ни сомнений: только клинок, пространство и следующий шаг, который обязан быть безупречным.

Бородач отступал, лихорадочно петляя и уходя от ударов — каждое уклонение было выверено до доли секунды, будто он годами оттачивал этот танец на грани жизни и смерти. То резко бросало его в сторону, то корпус едва заметно кренился, сбивая прицел противника, — он скользил по проходу, словно пространство само старалось его удержать, цепляясь за каждый шаг.

Каждое движение было выверенным, но в нём чувствовалась отчаянная спешка: он не просто отступал — он искал хоть малейшую возможность перехватить инициативу и дошёл до места, где Умник уже сидел сверху на мужчине в кожанке, крепко держа его за голову.

На мгновение бизнесмен замер — лишь на долю секунды, но в тесном пространстве салона, где каждый миллиметр решал исход схватки, эта пауза стала роковой. Он пытался оценить противника, прочувствовать дистанцию, уловить малейшее изменение в воздухе — дрогнет ли у Бородача плечо, мелькнёт ли тень намерения в глазах, выдаст ли он хоть намёк на следующий шаг. Но в этой короткой остановке уже таилась уязвимость: пока мозг просчитывал варианты, тело теряло преимущество скорости.

И этого хватило. Бородач, не дожидаясь, пока соперник снова наберёт темп, рванулся вперёд — резко, по-звериному, будто все его грубоватые манеры и развязность были лишь маской, скрывавшей отточенную реакцию. Он молниеносно перехватил руку бизнесмена, его пальцы впились в запястье стальным захватом, не оставляя шанса на сопротивление. Рывок — и нож, выскользнув из ослабевшей хватки, со звоном покатился по полу, ударился о ножку кресла и замер, словно подчёркивая, что правила игры только что изменились.

Но бизнесмен не собирался сдаваться. Даже теряя контроль над оружием, он не растерялся: свободной рукой он молниеносно выбросил кулак вперёд, целясь точно в лицо Бородачу. Удар вышел жёстким, хлестким — в нём была вся ярость человека, который не привык проигрывать. Костяшки врезались в скулу, послышался глухой звук столкновения, и на миг показалось, что преимущество снова качнулось в сторону бизнесмена.

Бородач от удара отклонился чуть назад, его голова дёрнулась, но он устоял — не рухнул, не пошатнулся, а именно устоял, будто его тело было выстроено так, чтобы выдерживать удары и тут же возвращаться в бой. На его лице мелькнула гримаса боли, но она исчезла быстрее, чем успела оформиться в эмоцию. Ещё мгновение — и он снова принял прежнее боевое положение: ноги твёрдо стоят на полу, корпус слегка развёрнут, руки готовы к новому рывку. В его взгляде теперь читалась не просто решимость, а холодный азарт — будто боль только подстегнула его, заставила почувствовать себя по-настоящему живым.

— Знакомая техника! — с довольной улыбкой протянул Бородач, будто встретил старого приятеля. — SAS?

— Ты кто?! — ухмыльнулся бизнесмен, глядя на Бородача.

— Я? — с лёгкой, почти издевательской улыбкой протянул тот, небрежно пожал плечами — и в тот же миг молниеносно выбросил руку, вбивая хук слева с такой силой, будто хотел пробить не челюсть, а саму стену.

Бизнесмен даже не успел среагировать: его резко швырнуло вправо, голова с глухим стуком врезалась в стену, а тело, потеряв опору, тяжело рухнуло на кресла, смяв обивку.

Бородач окинул его коротким, холодным взглядом, чуть склонив голову, и хмыкнул, будто увидел не поверженного противника, а досадную помеху:

— Погулять вышел! Ну-ну...

Потом оглянулся на Умника:

— Замри! — бросил Умник мужчине в кожанке. Тот замер, глаза открыты, лицо искажено гримасой.

— Все смотрим на меня! — голос Крёстной ударил по салону, как резкий, чистый звук гонга, и паника за шторой осела, будто её придавили тяжёлой плитой. — Тихо!

Бородач отодвинул край шторы, выглянул в салон. Пассажиры сидели тихо, не шевелясь, уставив взгляд на Крёстную, как на единственный неподвижный ориентир в шторме.

— Слушайте мой голос — он ваша опора. Вокруг шум, суета, они сбивают с толку. Но у вас есть свой тихий якорь: вдох и выдох. Это только ваше, и никто не может это забрать.

Короткая пауза. Тишина мягко ложится между рядами.

— Дышим вместе. Спокойный вдох... длинный, плавный выдох. Ещё один. С каждым выдохом напряжение тает. Не нужно всё контролировать — достаточно просто дышать.

Голос чуть тише, но твёрдый:

— Страх — это сигнал, он уже сработал. Дальше действуем мы. Вы не одни: рядом люди, я с вами. Двигаемся без спешки, чтобы каждому было безопасно.

Лёгкий наклон головы — приглашение довериться ритму.

— Смотрите на меня. Мой голос — как маятник: он помогает нервной системе замедлиться. Если лезут тревожные мысли — не гоните их. Просто переведите внимание на мой голос. Пусть он держит вас, как якорь в шторм.

Ещё одна короткая пауза.

— Вдох... неторопливо. Выдох... плавно.

Теперь голос звучит предельно ясно, без тени сомнения:

— Дебоширы нейтрализованы. На борту — сотрудники транспортной милиции. Угрозы нет. Это факт. Запомните его.

Она выдержала ещё несколько секунд тишины, давая этой фразе осесть.

— Мы скоро приземлимся. Пока мы в полёте, главное — держать спокойствие и быть опорой друг для друга. Если видите, что человеку рядом тяжело — просто положите руку ему на плечо. Этого хватит, чтобы он почувствовал: он не один.

Умник отпустил голову нападавшего — но тот не пошевелился. Глаза открыты, выражение лица застывшее.

— Ты как? — спросил Умник у Бородача.

— В норме, — кивнул тот.

— А эти? — Умник кивнул на тела.

— Трое живы, но без сознания. У стюардессы голос вернётся не раньше, чем через несколько дней. Бизнесмена стоит попробовать привести в себя.

Бородач коротко кивнул в сторону мужчины с застывшим взглядом:

— Бомбер в трансе. Тут без тебя не разобраться.

Из-за шторы появилась Крестная:

— Надо тело убраться!

— Минуту, — бросил Бородач. Он шагнул к телу, без лишнего рывка подхватил его за ноги и, не сбиваясь с ритма, втащил за штору. В два движения усадил в кресло и укрыл одеялом до самой шеи — будто прятал не труп, а спящего, которому нельзя мешать.

Умник огляделся, — А где ещё одна стюардесса?

Из туалета донеслись приглушённые звуки — то ли слабый стук, то ли сдавленный всхлип. Бородач нахмурился, шагнул к двери, на мгновение замер, будто прислушиваясь, а потом решительно рванул её на себя.

На унитазах, скрючившись и едва удерживая равновесие, сидела связанная Виктория. Её руки были стянуты за спиной грубой верёвкой, а вокруг рта — плотная лента, из-под которой пробивались обрывки невнятных слов. Глаза, огромные от страха и напряжения, метнулись к Бородачу, и в них мелькнула отчаянная надежда.

— Виктория, одну минуту, я вам сейчас помогу, — спокойно, но твёрдо произнёс Бородач, не теряя ни секунды. Он быстро оценил узлы, одним резким движением сорвал ленту с её рта, а затем принялся распутывать верёвки, действуя уверенно и без лишней суеты. — Вы не ранены?

— Я... я в порядке, — выдохнула Виктория, едва сдерживая дрожь в голосе, как только смогла говорить. — Только руки затекли... и страшно было... Они сказали, что, если буду шуметь — всё будет плохо.

Он попытался развязать её, но узлы были слишком тугие. В итоге он вынес её к Умнику и Крестной — всё ещё связанную.

Крестная сняла скотч с её рта. Испуганная Виктория затараторила, рассказывая, как её схватили и затащили в туалет.

— Виктория, успокойтесь, уже всё в порядке, дебоширы устранены, — ровным голосом сказала Крестная.

— Да-да, — выдохнула стюардесса. — Спасибо вам!

— Да ну что вы, мы из транспортной милиции, это наша работа — спокойно ответила Крестная. — Это капитан Петров, — она кивнула на Умника. — А это старший лейтенант Иванов, — махнула головой в сторону Бородача.

— Огромное спасибо вам, — уже тише произнесла Виктория.

— К сожалению, немного пострадала ваша напарница, кажется, Аня? — Крестная кивнула на лежавшую в проходе стюардессу. — Но ничего страшного, просто без сознания, скоро придёт в себя.

— Я её не знаю, она новенькая, говорила, пришла на замену заболевшей моей напарнице.

За несколько часов до отправления рейса в квартире «заболевшей» стюардессы царила напряжённая тишина. У зеркала замерла молодая женщина — в её осанке не было бравады, лишь спокойная уверенность, рождённая внутренней стойкостью. Она не пыталась казаться жёстче, чем была: сила её заключалась в собранности, в умении держать себя в руках без показного напора.

Эта девушка не жила здесь — её визит был строго функционален, продиктован холодным расчётом. Настоящая хозяйка квартиры — стюардесса, задействованная на рейсе Москва — Владивосток, — сейчас лежала в спальне, лишённая сознания. Мощный коктейль препаратов погрузил её в глубокий, неестественный сон. По плану действие лекарств должно было сохраняться около двенадцати часов — этого срока хватало, чтобы реализовать задуманное, не вызвав подозрений и не спровоцировав панику.

Гостья, облачённая в форму стюардессы, ещё раз внимательно изучила своё отражение. Плавным, размеренным движением она поправила блузку, аккуратно расправила лацканы пиджака — ни одна деталь не должна была выглядеть небрежно. В её движениях не было волнения — лишь холодная, отточенная точность: она знала — одна ошибка всё разрушит. Теперь её облик безупречно соответствовал роли — достаточно убедительный, чтобы без лишних вопросов пройти на борт.

Золотистый загар мягко оттенял черты лица, придавая образу тёплую естественность без нарушения строгости. Тёмно-каштановые волосы с лёгкой волной были собраны в лаконичный, но женственный пучок.

В её насторожённом взгляде читалась привычка ничего не упускать: он мгновенно выхватывал и явные детали, и едва уловимые нюансы. В нём сливались острый ум и готовность к действию — она считывала суть по малейшим признакам.

— Вика, вы подняться сможете? - Умник, обратился к стюардессе, - Мне нужна ваша помощь.

— Да, конечно, — стюардесса встала, поправила форму. — Я готова.

— Отлично. Прошу, присмотрите за пассажирами, может, кому-то надо чем-нибудь помочь, успокоить. Нам паника на борту не нужна.

— Конечно, не нужна, — Виктория направилась в эконом-класс.

Когда она ушла, Умник посмотрел на обездвиженные тела.

— Какие мысли? Предложения? — он обвёл напарников взглядом.

— Тебя хотели, — коротко бросил Бородач, не сводя глаз с Умника.

— Согласна, — кивнула Крёстная. — Мы для них — сюрприз.

Бородач рывком выдернул бизнесмена из укрытия за креслами, вцепившись в воротник. Тот обмяк, будто из него вынули стержень, и едва держался на ногах.

— Допрашиваем, — отрезал Бородач.

Бородач окинул стойку быстрым, цепким взглядом — ничего лишнего, только то, что могло пригодиться. Его глаза зацепились за небольшой металлический ящик с красным крестом. Он резко дёрнул дверцу — та поддалась с лёгким скрипом. Внутри, среди бинтов, пластырей и пузырьков, он сразу выцепил нужный флакон.

Вытащив его, Бородач сорвал крышку, накапал едкой жидкости на кусок бинта и, схватив бизнесмена за подбородок, жёстко приподнял ему голову.

— Ну-ка, очнись, — процедил он, поднеся пропитанный нашатырём бинт к самому носу мужчины.

Бизнесмен дёрнулся, словно его ударило током, глаза распахнулись, в них мелькнули испуг и растерянность. Он судорожно втянул воздух, тут же закашлялся от резкого запаха, а лицо исказилось гримасой отвращения.

Бизнесмен замотал головой, приходя в сознание.

— Очнулся, — хмыкнул Бородач. — Готов поговорить?

— Я плохо говорить по-русски, — замотал головой мужчина. — Я гражданин Great Britain.

— Ты смотри, уже не понимает, — ухмыльнулся Бородач.

— Давай я попробую, — Крёстная наклонилась к бизнесмену. — Ты меня понимаешь? — медленно, чётко произнесла она, погружая его в транс.

— Yes (да), — медленно ответил он.

— What's your name (Как тебя зовут)? — перешла на английский Крёстная.

— Jacob Barnes (Джейкоб Барнс).

Умник и Бородач молча наблюдали.

— Jacob, you're a good boy (Джейкоб, ты хороший мальчик)? — сменила тон Крёстная на твёрдый.

— Yes, Mommy! I am very obedient (Да, мамочка! Я очень послушный), — заискивающе ответил бизнесмен.

— Jacob, tell me who these people are, and what are you supposed to do on this plane (Джейкоб, скажи мне, кто эти люди и что ты должен делать в этом самолете)?

— Me and my partners, Mom (Я и мои партнеры, мама), — он кивнул в сторону накрытого одеялом мужчины, — hired by this woman. Our task is to immobilize and interrogate him (нанят этой женщиной. Наша задача - обездвижить и допросить его), — показал на Умника. — The interrogation was supposed to be carried out by this woman (Допрос должна была проводить эта женщина), — кивнул на лежавшую стюардессу. — The purpose of the interrogation was not told to us (О цели допроса нам ничего не сказали).

Он замолчал, вертел головой, оглядывая стоявших над ним.

— Нам от него ещё что-нибудь надо? — Крёстная посмотрела на Умника.

— Нет, — ответил тот. — Пусть поспит.

Крёстная наклонилась:

— Jacob, sleep (Джейкоб, спи)!

Бизнесмен тут же обмяк и отключился.

— Что в итоге? — Умник посмотрел на Крёстную.

— Она, — Крёстная показала на стюардессу, — наняла этих троих. Цель — обезвредить и допросить тебя.

Бородач поднял с пола шприц.

— Допрашивать хотели с сывороткой!

— Ясно. Думаю, их надо связать.

— Уже иду, — отозвался Бородач. Подошёл, поднял стюардессу, посадил в кресло и связал ей руки ремнём, снятым с брюк бизнесмена.

Умник смотрел на второго нападавшего, тот не просто лежал — он как будто выпал из времени. Взгляд был прямой, застывший, почти стеклянный. Кровь перестала течь, и эта неподвижность выглядела неестественно, как у манекена. Он находился в трансе: не сопротивлялся, не умолял, не пытался сбежать — просто ждал следующего приказа.

— Как твоё имя? — Умник не спрашивал, он возвращал нападавшего в реальность через слово.

— Ханс Вагенкнехт, — ответил тот, будто читал по невидимой карточке.

Умник опустил на край кресла.

— Твоя задача?

— Оказать силовую поддержку, старшему группы.

- Кто старший группы?

- Старший группы — женщина. Все инструкции получали от неё.

— Что должно произойти после захвата?

— Допрос, — Ханс произнёс это без эмоций.

— Что хотели узнать? — Умник наклонил голову. — Имена. Места. Планы.

— Мне неизвестно, — повторил Ханс, не отводя взгляда. — По инструкции во время допроса мы должны были выйти и ждать распоряжения.

— Кто тебя нанял?

— Женщина.

— Её имя?

— Не знаю.

Умник вздохнул, будто устал от этой механической точности ответов.

— Спасть! — скомандовал он.

И Ханс мгновенно отключился, как выключенный прибор.

Умник встал, прошёл мимо Бородача.

— Борода, позаботься о спящем.

Борода кивнул, наклонился к Хансу

— Вика, можно вас на минуту? — позвал он стюардессу, которая тихо разговаривала с одним из пассажиров.

— Да-да! — тут же подошла она. — Я вас слушаю.

— Как зовут нашего пилота?

— Виктор Павлович.

— Благодарю вас! — кивнул Умник и развернулся.

Проходя мимо Бороды и Крестной, бросил:

— Я пойду предупрежу наших.

Подойдя к двери кабины пилотов, он постучал.

— Виктор Павлович, я сотрудник транспортной полиции, капитан Петров, — громко и чётко произнёс Умник. — Передайте в эфир: «Внимание! Грей! Владивосток! Четыре непрошенных гостя! Один отошёл!»

Он замер, прислушиваясь.

Через минуту из-за толстой двери донёсся глухой ответ:

— Сделано!

— Спасибо! — громко ответил Умник и отошёл.

Умник подошёл к своим. Никто не заговорил первым — все ждали, что скажет он.

— Как ты собрал этих наёмников? — спросила Крёстная, не тратя слов впустую. — международная группа, не шутка.

Умник не стал отвечать прямо. Только коротко кивнул в сторону неподвижной фигуры в кресле.

— Пусть Анна расскажет. Если, конечно, это вообще её имя.

Через секунду Крёстная медленно перевела взгляд с Бороды на Умника, задержала его на миг, будто взвешивая каждое слово, и произнесла протяжно, с едва уловимой смесью восхищения и тревоги:

— Да, Умник... ты личность загадочная. То ли гений, то ли ходячая бомба — не поймёшь сразу. И знаниями какими-то владеешь, это видно по тому, как ты читаешь ситуацию, будто видишь её насквозь. А ещё, похоже, ты для кого-то настолько опасен, что ради тебя одного выслали целую группу матёрых наёмников. Не просто так они сюда ворвались — тебя хотели взять любой ценой. Или... — она чуть нахмурилась, будто додумывая мысль на ходу, — может, вообще не взять, а убрать, чтобы эти знания с тобой и умерли.

Борода коротко хмыкнул, скрестив руки:

— Значит, кто-то очень не хочет, чтобы ты свои фокусы дальше показывал.

Умник лишь чуть приподнял бровь, но ничего не ответил — в его молчании читалось и понимание, и холодная готовность к тому, что дальше будет только жарче.